

© 2013 г. Е.В. РАХИЛИНА, Т.И. РЕЗНИКОВА

ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД К ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ*

В статье обсуждаются принципы системного сопоставления лексики, которые могут служить основой для масштабных сравнительных описаний большого числа языков. Утверждается, что типологические закономерности в семантике можно обнаружить, исследуя сочетаемостное поведение слов в контексте характерных для них конструкций. Статья обобщает опыт применения данного подхода к нескольким семантическим областям (предикаты плавания, вращения, боли; качественные признаки и др.).

Ключевые слова: лексическая типология, лексическая семантика, семантический переход, метафора, метонимия

The article discusses the principles for systematic cross-linguistic studies in lexical semantics, which could provide a framework for large-scale comparative analyses in a great number of languages. It is claimed that typological regularities can be revealed by examining the lexical combinability and contextual restrictions on words under comparison. The article generalizes the experience of using this approach to several semantic domains (aqua-motion, rotation, pain verbs, adjectives of quality, and others).

Keywords: lexical typology, lexical semantics, semantic shift, metaphor, metonymy

ВВЕДЕНИЕ

Лексическая типология набирает силу как самостоятельная область синхронной лингвистики. Об этом свидетельствуют сразу несколько тематических обзоров, вышедших в последнее время, см. [Рахилина, Плунгян 2007; Evans 2011] и в особенности [Kortjevskaja-Tamm 2008]. Все они отражают тот неоспоримый факт, что становится все больше исследователей и исследовательских групп, которые занимаются сопоставлением лексики одного и того же временного среза не в двух, а сразу в десятке или нескольких десятках языков (ср. [Viberg 1983; Newman (ed.) 1998; 2002; 2009; Blank, Koch 2000; Goddard, Wierzbicka (eds.) 2002; Levinson, Wilkins (eds.) 2006; Majid, Bowerman (eds.) 2007; Majid, Levinson (eds.) 2011] и др.). Одновременно существенно расширяется круг семантических областей (лексических классов), которые становятся объектом таких сопоставлений: наряду с давно ставшими традиционными цветообозначениями, именами родства или частями тела (см. подробнее в [Kortjevskaja-Tamm 2008]) сейчас уже «осваиваются» такие сложные семантические зоны, как предикаты позиции [Newman (ed.) 2002], способа движения [Майсак, Рахилина (ред.) 2007; Kortjevskaja-Tamm et al. 2010], разрушения [Majid, Bowerman (eds.) 2007], еды и питья [Newman (ed.) 2009], перемещения объекта [Кореска, Narasimhan (eds.) 2012], а также пространственные отношения [Levinson, Wilkins (eds.) 2006], память [Amberber (ed.) 2007] и др.

Между тем, как кажется, самый существенный результат последних лет состоит в ясном осознании того, что исследования в этой области могут стать продуктивными

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 11-06-00385-а). Авторы выражают глубокую признательность Л.С. Холкиной за помощь в подготовке статьи.

только тогда, когда описания разных языков будут следовать единому теоретическому подходу, единой методике и единому плану описания – как это принято в типологии вообще. Именно в этом случае можно будет получить главное: сопоставимые результаты по разным языкам, а вместе с ними и представление о том, в какой степени правомерна идея о системности лексики и универсальности принципов ее организации в человеческом языке в целом. На сегодняшний день на этом пути есть бесспорные достижения – и здесь мы отметим два: работы психолингвистической школы института им. Макса Планка в Неймегене и подход, который в свое время предложила Анна Вежбицкая [Wierzbicka 1972; 1996].

Первое направление применяет экспериментальную методику, восходящую к работам по изучению цветообозначений Брента Берлина и Пола Кея [Berlin, Kay 1969]. Согласно этой методике, исследователи собирают языковые (т. е. лексические) реакции носителей разных языков, которым предъявляется один и тот же набор внеязыковых стимулов: набор табличек разных цветов (если изучают цветообозначения, см. [Majid, Levinson 2007]), набор характерных образцов с запахами или вкусами (если изучают обоняние и вкус [Majid et al. 2007; Senft et al. 2007; Majid, Levinson (eds.) 2011]), набор видеоклипов, описывающих разные варианты ситуации разрушения, – ср.: «разорвать тряпку на две части руками», «переломить палку через колено», «разрезать морковь ножом поперек на несколько частей» и т. п. (как в проекте о глаголах, объединенных в единый класс под общим названием «cutting & breaking», см. [Majid, Bowerman (eds.) 2007]) и т. д.

Представители второго направления (сегодня оно развивается в трудах Клиффа Годдарда и других коллег и учеников Анны Вежбицкой, см. [Goddard, Wierzbicka (eds.) 1994; Goddard 1998; Goddard (ed.) 2008; Гладкова 2010]) реализуют идею великих философов прошлого о естественном семантическом метаязыке (Natural Semantic Metalanguage – NSM): небольшом (порядка 60 единиц) наборе метаязыковых «слов-смыслов», из которых можно было бы «сложить» любое понятие любого языка, истолковав его значение с их и только их помощью. Сами толкования опираются при этом на интроспекцию исследователя, а в качестве элементарных «слов-смыслов» выбираются те, для выражения которых в любом языке можно найти некоторую лексическую единицу.

Обе школы имеют историю и большой опыт типологической работы – и, конечно, все перечисленные выше обзоры подробно описывают их теоретические и методологические принципы, есть и специальные рецензии, им посвященные (см. [Апресян 1995; Geeraerts 1988; 1993; Плунгян, Рахилина 1996; Goddard 2001] и др.), так что мы не будем утомлять читателя их пересказом.

В этой статье мы представим свой – альтернативный – подход к лексической типологии, который условно можно назвать *фреймовым*. Этот подход основан на опыте Московской лексико-типологической группы (MLexT)¹ и уже давно применяется на практике – при описании лексико-семантических зон, причем на достаточно представительных выборках. В описании нашего метода мы будем опираться на материалы уже законченных или близких к завершению проектов (ср. [Майсак, Рахилина (ред.) 2007; Брицын и др. (ред.) 2009; Круглякова 2010; Reznikova et al. 2012] и др.). Главный принцип, на котором построены наши исследования, восходит к идеям Московской семантической школы (см. прежде всего [Апресян 1974/1995]) о том, что семантические свойства лексики любого языка проявляются в их сочетаемости как «языковом поведении»: исследуя сочетаемость, их можно реконструировать и затем сравнить, используя тот набор средств, которым привыкли пользоваться типологи-грамматисты.

¹ В разные годы в составе MLexT работали П. Аркадьев, А. Бонч-Осмоловская, Е. Бугаенко, М. Бухтеева, К. Галиченко, А. Иванова, Е. Иванова, Е. Исаева, Е. Кашкин, Е. Козлова, А. Костыркин, В. Круглякова, Ю. Кузнецова, К. Кузьмина, М. Кюсева, А. Летучий, Е. Лучина, Т. Майсак, С. Мерданова, Л. Наний, П. Новичков, Е. Павлова, А. Панина, О. Панова, Е. Парина, А. Подлипенцева, Е. Рудницкая, Д. Рыжова, А. Сорокина, И. Стенин, М. Тагабилева, Л. Холкина, Л. Хохлова, В. Цуканова, М. Шапиро, О. Шеманасва, Е. Якушкина.

Мы приняли этот принцип потому, что, как нам кажется, он дает некоторые преимущества при лексико-типологическом описании, расширяя его возможности – в частности, по сравнению с двумя только что упомянутыми подходами. Действительно, психолингвистическая методика, основанная только на внеязыковых стимулах, не позволяет описать, например, типологию внутренних, субъективных реакций, таких как болевые состояния или эмоции. Метод NSM неудобен, как кажется, для тех областей, в которых тот или иной язык обнаруживает большое число квазисинонимов. Кроме того, ни тот, ни другой подходы не применимы для исследования семантических переносов. Понятно, что эти описательные «лакуны» не случайны: они обусловлены особенностями задач, которые ставятся и решаются в рамках каждого из подходов, и тем пониманием лексической типологии, которое каждому из них присуще. Тем не менее, как нам представляется, лексическая типология в целом должна справляться и с описанием любых семантических зон, и с объяснением взаимосвязей между ними, т. е. сдвигов значений. В этой статье мы покажем, что фреймовый подход успешно решает эти задачи, получая, таким образом, определенное преимущество перед двумя другими.

Дальнейшее изложение будет строиться так. В первом разделе мы обсудим, как формулируются задачи лексической типологии в рамках нашего подхода, во втором мы детально представим методику нашей работы с лексикой разных языков, а в третьем разделе речь пойдет о роли семантических сдвигов в лексико-типологических исследованиях.

1. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ: ОСНОВЫ И ЗАДАЧИ

Как уже было сказано, суть нашего подхода – в соединении практики признанной школы лексико-семантического анализа (МСШ) с (тоже общепризнанными) образцами грамматической типологии. Задача этого раздела – показать, что такое соединение не только возможно, но и в некотором смысле естественно, потому что представления об устройстве языка, которые лежат в их основе, как мы увидим, достаточно близки. В разделе 1.1 мы обсудим те возможности, которые дает нам парадигма МСШ, и ограничения, которые она устанавливает. Эти ограничения могут быть преодолены с помощью инструментов, выработанных типологическими описаниями грамматических значений, которые мы коротко представим в разделе 1.2.

1.1. Московская семантическая школа

Московская семантическая школа занимается лексико-семантическими исследованиями с 1960-х гг. и имеет достаточно большой вес в мировой лингвистике. Ее главный (и очень мощный) инструмент семантического анализа – это сравнение значения лексемы со значениями ее ближайших синонимов, недаром классическая книга Ю.Д. Апресяна «Лексическая семантика» [Апресян 1974/1995] носит подзаголовок «Синонимические средства языка». Важнейший вывод, полученный МСШ, состоит в том, что синонимов в точном смысле этого слова нет ни в одном языке, есть только квазисинонимы. Об этом свидетельствуют созданные представителями этой школы многотомные словари – как русского языка [ТКС; НОСС], так и двуязычные [Апресян и др. 1979; Mel'čuk et al. 1999]. Лексикографическое описание в этих работах опирается на семантические признаки, выявленные при сравнении сочетаемости квазисинонимов. Для того чтобы найти эти признаки, нужно исследовать взаимозаменяемость сходных лексем в одних и тех же контекстах и проанализировать природу наблюдаемых запретов.

Опыт двуязычных словарей, построенных на тех же принципах, свидетельствует о том, что переводные эквиваленты можно рассматривать как простое расширение класса квазисинонимов. Значит, такая процедура может быть применена и для широкого типологического исследования (правда, ее трудоемкость в этом случае, конечно, возрастает).

Однако сама МСШ не ориентирована на типологию: это школа лексикологов и лексикографов, которые, с одной стороны, в теоретических работах настаивают на том, что лексика организована как система, высоко мотивирована и в ее основе лежат понятные человеку когнитивные принципы [Апресян 2009]. Но с другой стороны, главная практическая цель МСШ – это очень подробные описания каждой отдельной лексемы (так называемые лексикографические портреты) и каждой синонимической зоны для создания новых словарей.

Между тем, если верить, что лексика не просто образует внутриязыковую систему, но что похожим образом устроенная система есть и в других языках, то возникает другая задача: как упорядочить полученные признаки, как их сравнить и как увидеть в них ту сеть значений, которая могла бы служить основой для лексико-типологического описания.

1.2. Грамматическая и лексическая типология

Второе направление, на которое мы опираемся в поисках методов и инструментов описания, – это грамматическая типология. В отличие от лексической, она развивается уже несколько десятков лет и выработала свои «образцы для подражания» в сопоставительном исследовании – прежде всего касающиеся грамматических категорий, ср. классические работы [Comrie 1976; 1985; Bybee, Dahl 1989; Corbett 1991; 2000; Aikhenvald 2000] и др.

Согласно современным представлениям, существует универсальный набор элементарных грамматических смыслов [Bybee, Dahl, 1989: 51–52; Плунгян 2000: 233–238], который участвует в формировании грамматических значений в каждом конкретном языке: язык как бы выбирает из этого набора то, что он «считает нужным» для своей грамматической системы. Полученные в результате множества грамматических смыслов в разных языках могут существенно отличаться. Кроме того, грамматические значения нередко совмещаются: один и тот же показатель может кодировать целый пучок элементарных смыслов, как бы «склеивая» их. Типологи считают, что такого рода совмещение обычно следует определенной (когнитивной) стратегии, а она может быть разной у разных языков; ср. [Плунгян 2000; Haspelmath 2003].

Поэтому свои главные задачи современная грамматическая типология определяет как описание универсального набора грамматических значений (А) и выявление стратегий их совмещения, которые реализуются в конкретных языках (В).

Если считать, что проблематика грамматической типологии моделирует проблематику лексической, то, соответственно, в число своих первоочередных задач мы должны включить: формирование универсального набора **лексических** значений (А) и описание стратегий их совмещения в языках (В). Эти задачи мы коротко представим по очереди в следующих двух подразделах статьи.

(А) Универсальный набор: признаки и оппозиции

В отношении набора универсальных значений мы действуем вслед за типологами-грамматистами, с той разницей, что в грамматическом поле значений обычно мало: всего три лица, как правило, два-три числа (единственное-множественное-двойственное), три времени и т. п. Если значений много, как в аспекте, модальности или пространственной ориентации, то они в основном хорошо структурированы: наряду со значением удаления в системе обнаруживается значение приближения, возможность противопоставлена необходимости и т. д. В лексической системе квазисинонимов нет ясно выраженных оппозиций: все слова одного семантического поля обозначают примерно одно и то же, и структуру такого поля можно только реконструировать.

Правда, аналогом бинарных оппозиций в лексике можно считать антонимы. Рассматривая их вместе с исходными коррелятами, мы часто получаем дополнительную информацию о структуре значения поля: мы говорим *старый моряк* и *старый баши-*

мак – но только: *молодой* (*новый) моряк и *новый* (*молодой) башмак. Отсюда следует, что признак одушевленности (точнее, соотнесенности с человеком, т. е. антропоцентричности) типологически значим для всей этой зоны в целом: теоретически может встретиться язык, в котором будет два слова со значением ‘старый’ – например, о человеке и об артефакте².

Однако антонимичных пар значительно меньше, чем квазисинонимичных. Трудно представить лексический антоним для слов со значением ‘дом’ или ‘трава’, ‘железный’ или ‘горбатый’, ‘стричь’ или ‘раскрашивать’ и т. п. Да и удачная «зеркальная» структура встречается далеко не у всех антонимов. Например, в паре ‘мертвый’ – ‘живой’ каждое из значений развивает свои оппозиции. По-видимому, для человека состояние ‘живой’ представляется дефолтным, немаркированным: всякое живое существо по умолчанию живо. Поэтому если сочетания типа *мертвый бродяга*, *мертвый тюлень*, *мертвые листья* обозначают ситуацию биологической смерти, то сочетания с признаком ‘живой’ дают совершенно другие эффекты. Ср.: *я вчера встретил живого Михалкова* (‘не изображение’), *венки из живых цветов* (‘не искусственных’)³.

Таким образом, различие в материале исследования лексической и грамматической типологии очень существенно: строить универсальный лексический набор по образцу грамматического не так просто.

Дополнительная сложность состоит еще и в следующем: стандартные контексты частотных грамматических показателей легко выделить и сравнить на небольшом материале разных языков, поэтому размеченного корпуса в 200–300 тысяч употреблений для их описания обычно бывает достаточно. Между тем стандартные контексты употребления лексики может выявить только анализ корпусных данных большого объема – от 100 млн словоупотреблений и выше, а для малочастотных потребуется и вовсе миллиардный корпус.

(В) О совмещении

Хорошо известно, что произвольной граммеме какого-либо конкретного языка соответствует не одно, а целый набор значений, каждое из которых реализуется в своем контексте. При этом в прочих языках этот набор может быть и другим, так что и множества релевантных для них контекстов в общем случае не совпадают. Поэтому в грамматической типологии для исследования той или иной языковой категории составляются объемные коллекции диагностических контекстов, по возможности охватывающих материал всех известных языков. Эти контексты задают универсальный набор тех значений данной семантической зоны, которые способны выражаться грамматически, и они же служат основой для универсальных анкет, по которым затем осуществляется сбор данных по новым языкам – корпусный поиск и опрос информантов.

В заполненной анкете выбираются совпадающие строки, то есть такие, в которых использована одна и та же грамматическая форма. А поскольку в разных языках совмещаются разные строки, то тип совмещения и определяет типологическую специфику данной категории в данном языке.

Типологическое исследование лексических значений может строиться по той же модели: для каждой семантической области необходимо подобрать релевантные контексты и описать, как они склеиваются при выборе конкретных лексических соответствий. Остается теоретический вопрос: какие единицы входят в состав лексического набора?

² И действительно, противопоставление в зоне ‘старого’ между людьми и артефактами лексически маркируется, например, в кусканском кечуа: для обозначения возраста человека используются прилагательные *tashi* (о мужчине) и *raya* (о женщине), по отношению к долго использовавшемуся артефакту употребляется лексема *thanta* (см. [Cusihuamán 2001]; мы благодарим Пола Хегарти за это наблюдение).

³ Об асимметрии прилагательных ‘живой’ / ‘мертвый’ см. [Подлипенцева 2011].

Для того чтобы показать, что мы предлагаем считать элементами лексического набора и как на его основе может строиться типологический анализ, в следующем разделе мы поэтапно рассмотрим весь процесс лексико-типологической работы – так, как он реализуется в наших проектах.

2. МЕТОДЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ

2.1. О материале исследования

Работа начинается с выделения семантического поля исследования. Это довольно трудная задача, и решается она постепенно: исходно границы поля определяются на базе лексики родного языка, но при переходе к материалу других языков эти границы могут существенно сдвигаться.

Говоря о других языках, мы тем самым затрагиваем методическую проблему формирования выборки. В отношении того, какие языки в нее включаются и каков должен быть ее объем, лексическая типология снова обнаруживает принципиальное отличие от грамматической.

Сопоставительные грамматические исследования принято проводить на материале большого числа языков – от 200 до 400, причем равномерно распределенных по генетическим и ареальным группам [Bybee 1985; Bybee et al. 1994]. В грамматических выборках практически не используются близкородственные языки, чтобы эффекты, обусловленные генетическим родством, не исказили типологической картины⁴.

Парадокс лексической типологии состоит в том, что родственные языки, как правило, «не портят» общую картину; ср. [Рахилина, Прокофьева 2004]. Дело в том, что, в отличие от медленно (веками и даже тысячелетиями) меняющейся грамматики и фонетики, лексическая семантика меняется очень быстро: на памяти одного поколения носителей языка слова появляются и исчезают, теряют свои значения и приобретают новые. Поэтому нередко в нашем материале, даже в близкородственных языках (как русский и польский), оказывается не так много языковых соответствий (когнатов) в пределах одного и того же семантического поля. Но даже если когнаты и обнаруживаются, их семантическое наполнение с большой вероятностью окажется разным.

В этом отношении показательно поле ‘качания’: русск. *качаться*, *шататься*, *колыхаться*, *кивать* и *колебаться*; польск. *huśtać się*, *kołysać się*, *chwiać się*, *kiwać (się)*, *chybotać (się)* – в нем только две пары когнатов из пяти возможных: *колыхаться* – *kołysać się* и *кивать* – *kiwać (się)*. При этом возвратный некаузативный *kiwać się* обозначает любые ситуации, в которых происходит колебание верхней части вытянутого объекта независимо от нижней, так что объект перегибается. Поэтому в число допустимых для него контекстов входят такие, которые по-русски передаются глаголом *махать* (*махать рукой*). Польское *kołysać się* тоже имеет другой прототип, чем его русский когнат: оно не описывает колышущихся занавесок, зато применимо к тряскому поезду [Рахилина, Прокофьева 2005].

Что касается количества языков в выборке, то пока для лексической типологии объемы, принятые в типологии грамматической, по-видимому, недостижимы: при глубоко семантическом анализе, который предполагает наш подход, опираться только на «готовые» ресурсы, такие как словари и грамматики, невозможно⁵. По нашему мнению,

⁴ Заметим, что А.Е. Кибрик в [Кибрик 1992; Kibrik 1998] отстаивает идею, что материал родственных языков пригоден и для грамматической типологии.

⁵ Заметим, что при помощи словарей могут решаться сопоставительные задачи другого рода, например, сравнительный статистический анализ лексического состава разных языков (см. [Титов 2002; Кретов и др. 2011]). Статистика применяется и при описании отдельных семантических полей. В частности, на материале корпусов – в пределах одного или сразу нескольких языков – сравниваются конструкционные профили лексем. В этом случае частотный анализ конструкций, в которых встречается лексема, служит основой для выявления их семантических свойств (см. [Janda, Solovyev 2009]). Существенно, однако, что корпусами обслужены далеко не все языки, а

для лексической типологии важна не столько объемная выборка, сколько метод описания языковых данных: если он достаточно типологичен, то есть хорошо применим к описанию нескольких языков, – исследование уже претендует на статус лексико-типологического. Наш самый обширный по числу языков проект – Aquamotion – выполнялся на пятидесяти языках, проект глаголов боли учитывает материал тридцати, проект ‘вращение’ – семнадцати, проект описания поля ‘острый-тупой’ – пятнадцати. Опыт показывает, что уже на базе пятнадцати языков можно строить интересные обобщения (заметим, что и типологи-грамматисты отмечают, что довольно стабильная картина устройства той или иной грамматической зоны, которая уже «не претерпевает существенных изменений по мере увеличения языковой выборки», вырисовывается после изучения дюжины языков [Haspelmath 2003: 217]). Кроме того, любая типологическая гипотеза, пусть и основанная на небольшой языковой выборке, существенно упрощает работу с новым материалом: ее проверка оказывается удобной отправной точкой для внутриязыкового анализа.

2.2. Словари и корпуса

Итак, после предварительного определения границ поля в родном языке происходит работа со словарями, с помощью которых составляются начальные списки лексем для других языков как переводные эквиваленты для уже собранных единиц. Одной исходной лексеме может соответствовать более одного переводного аналога, и напротив, несколько лексем в исходном языке могут покрываться одной единицей в новом языке. Так, русскому *толстый* соответствуют три китайских прилагательных – *hòu* для плоских предметов, имеющих большое расстояние между верхней и нижней плоскостями («слоев»), ср.: *hòu bèizi* ‘толстое одеяло’; *cū* для вытянутых предметов, имеющих большую площадь сечения («веревки»), ср.: *cū shéngzi* ‘толстая веревка’ и *pàng* для людей, имеющих избыточный вес, ср.: *pàng hái zi* ‘толстый ребенок’.

Чтобы еще раз проверить исходный список и уточнить первоначальные границы поля, используются все доступные словари. Словарь может устареть, быть неполным или недостаточным, так что весь словарный материал должен верифицироваться. Самая простая проверка – это корпусное обследование, в случае, если для этого языка есть корпус. Для частотных слов представительный корпус позволяет выявить отличия в употреблении, выделить характерные контексты и расклассифицировать их. Правда, данные корпусов тоже нужно проверять: и там попадаются устаревшие употребления и индивидуальные отклонения от нормы. Поэтому по возможности все отобранные примеры должны «получить одобрение» носителей языка.

Конечно, корпусами обслужены далеко не все языки – тогда работа с информантом становится единственным способом собрать релевантные контексты. Практика показывает, что эту задачу тем проще выполнить, чем больше «корпусных» языков уже описано: к информанту лучше идти с готовыми анкетами. В этом смысле современные корпуса стали для нас не просто инструментом сбора нового материала, но еще и инструментом порождения начальных гипотез при составлении анкеты: ее первые варианты строятся из обобщения над ситуациями, которые в корпусах описываются интересующими нас лексемами (впрочем, хорошие словари такие контексты тоже учитывают).

2.3. Семантические параметры

Предварительно расклассифицированные корпусные контексты каждой лексемы нашего поля внутри одного языка сравниваются между собой и подвергаются семантическому анализу в традиции МСШ – он выявляет параметры, по которым эти контексты различаются. В случае предикатной лексики ключевую роль в семантическом противо-

кроме того, автоматические статистические данные на лексическом материале неизбежно содержат определенный уровень «шума» и все равно требуют трудоемкого ручного постанализа.

поставлении внутри одного поля играет тип субъекта для глагола или носителя признака для прилагательных. При этом наиболее последовательно языки проводят лексическую границу между одушевленными (прежде всего именами лиц) и неодушевленными субъектами, выбирая для каждого из этих типов свои предикатные лексемы.

У одноместных предикатов такое противопоставление по типу субъекта – это, как правило, главный сценарий для построения лексических оппозиций, особенно хорошо это видно на материале глаголов движения: ср. в зоне перемещения в воде англ. *swim* vs. *drift/float*, перс. *šenā kardan* vs. *šenāvar budan*, тамильск. *nīntu* vs. *mita*, манинка *námún* vs. *fún* (см. [Майсак, Рахилина (ред.) 2007]). Как показано в [Плунгян, Рахилина 2007], сам по себе концепт активного перемещения может принципиально отличаться от перемещения пассивного. Правда, тут возможны (редкие) исключения – например, глаголы вращения. Тип субъекта для них тоже важен, но системообразующим в этой зоне является как раз не субъект, а другой аргумент – ось вращения, которая может быть внешней или внутренней. Именно эти две ситуации обычно противопоставляются в языках мира, ср.: исп. *revolotear / rondar* vs. *girar / dar vueltas*, коряк. *kamlil* vs. *kavaljil*.

Понятно, что чем больше у ситуации участников, тем шире пространство для лексических оппозиций и тем сложнее работа исследователя. Так, для глаголов еды и питья релевантны: тип субъекта (ср., например, ‘человек’ vs. ‘животное’), тип объекта (в частности, ‘жидкое’ vs. ‘твердое’), выделенность инструмента / квазиинструмента, т. е. части тела (‘зубы’, ‘язык’, ‘ложка’ и др.): ср. в русском: *есть* (о нежидкой пище), *глотать* (о животном, твердый объект – преимущественно кости, при помощи зубов), *пить* (о жидком), *лакать* (о животном, посредством языка) и т. п.

Еще сложнее устроена семантическая область разрушения (так называемая зона «cutting & breaking», ср. [Majid, Bowerman (eds.) 2007]): помимо субъекта, контролирующего или не контролирующего соответствующее действие, концептуализация таких ситуаций зависит как минимум от значения еще трех переменных в толковании. Во-первых, это объект, который разрушают: стекло *бьют*, веревку или материю *рвут*, дерево *рубят* или *пилят*, камни *раскалывают* и т. п. Во-вторых, инструмент: разрушать можно, действуя руками (*рвать*), ножом (*резать*), копьем (*колоть*), топором (*рубить*) и т. п. В-третьих, для выбора предиката важно, какой получился результат: две или больше частей, размер фрагментов и т. д. Глаголы образуют тем самым сложные комбинации из значений разных параметров, ср. русск.: *рвать* (руками, мягкий объект), *рубить* (топором, деревянное, на две части), *резать* (ножом или ножницами, как правило, достаточно мягкое), *толочь* (мелкие объекты, специальной толкушкой или между жерновами, до гомогенной массы), *шинковать* (ножом или специальным инструментом, еду, на много частей) и многое другое. В коми-зырянском есть специальный глагол (*юкавны*), описывающий продольное деление дерева на тонкие слои, лучины (ср. русское отыменное устар. *щепать*, от *щепа*, *щепка*) и, соответственно, выбирающий особый объект (дерево), инструмент (нож, топор) и результат (лучины). Другое интересное сочетание параметров дает глагол *шарскöбтыны*, который вводит в достаточно стандартную ситуацию ‘разбить’ параметр звука: ‘разбить со звоном’; см. [Кашкин 2010].

Перечисление релевантных для ситуации типов аргументов и других параметров создает иллюзию, что наша система противопоставлений в каждом семантическом поле основана исключительно на множестве различительных признаков в духе теории компонентного анализа; ср. [Katz, Fodor 1963; Lehrer 1974]. И действительно, при сравнении разных языков – например, в зоне вращения – мы тоже выделяем семантические параметры, ср.:

- движение вокруг внешней vs. внутренней оси,
- над ориентиром vs. в одной плоскости с ним,
- контролируемое vs. неконтролируемое,
- одинарный vs. множественный поворот и т. п.

Ср. смысловозначительные признаки, которые выделяет А. Лерер для поля ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЩИ [Lehrer 1974: 61 ff]:

- готовить с использованием жидкости vs. без жидкости,
- с жиром vs. без жира,
- с паром vs. без пара,
- интенсивная vs. щадящая обработка (т. е. на большом vs. на маленьком огне),
- подвергать тепловому воздействию долго vs. недолго и т. п.

Между тем компонентный анализ постулирует не просто наличие признаков, но и организацию этих признаков внутри семантического поля, при которой компоненты смысла действуют **независимо** друг от друга. Отсюда идея исчислений возможных комбинаций признаков, которая была так популярна в 1960–80-е гг. в описаниях как лексических, так и грамматических полей; см. [Мельчук, Холодович 1970; Храковский (ред.) 1989].

В нашем представлении признаки не независимы, и этим наш подход принципиально отличается от компонентного анализа. Отдельные значения признаков настолько связаны друг с другом, что образуют устойчивые гештальты, и тип одного аргумента часто задает характеристики остальных. Например, выбор птицы в качестве субъекта вращения уже предопределяет то, что это будет движение вокруг внешнего ориентира. Но поскольку птице свойственно летать, ее вращение происходит не только **вокруг**, но и **над** ориентиром (ср. ‘орел над добычей’) – тогда как для других возможных субъектов вращательного движения вертикальная дистанция между субъектом и ориентиром, как правило, нерелевантна.

Взаимозависимость признаков хорошо видна и на материале глаголов приготовления пищи, которые рассматривались в [Lehrer 1974] с позиций компонентного анализа: так, интенсивная обработка (т. е. на большом огне) предполагает непродолжительное время (иначе продукты просто сгорят), использование пара подразумевает наличие воды и исключает жир и т. д.

Если попытаться перевести сказанное на «язык» компонентного анализа, получается, что помимо признаков, формирующих оппозиции вида + / –, в структуре поля задействованы еще и признаки вида + / 0. Однако их устройство принципиально отличается от канонического + / –. Если + / – действительно строит эквивалентные оппозиции, то признаки + / 0 служат для того, чтобы выделить конкретный класс: значение такого признака в большинстве случаев не определено, и только в одном – положительно. Так, в коми-зырянском звук важен только для одного узкого класса глаголов разрушения – ‘разбивать’ (*шарскѳтыны*), а для остальных нерелевантен, хотя очевидно, что практически все внеязыковые ситуации разрушения (‘колоть’, ‘тереть’, ‘пилить’ и др.) сопровождаются каким-то звуком [Кашкин 2010].

Отсюда ясно, что вопросы лексико-типологической анкеты должны задавать не просто совокупность признаков, а как раз тот самый устойчивый гештальт, о котором мы только что говорили. И тем не менее уже в процессе сбора типологического материала нужно как можно точнее определить, какие признаки участвуют в формировании этого гештальта, чтобы не упустить ситуации, значимые для семантической структуры данного поля. Это особенно важно для многоместных предикатов, где риск потерять существенный контекст гораздо выше обычного. Мы уже упоминали психолингвистический проект по типологическому описанию глаголов «cutting & breaking» [Majid, Bowerman (eds.) 2007]: для сбора материала в нем использовался набор из 61 видеоклипа, представляющий разные ситуации разрушения объекта. Понятно, что 61 клип, т. е. 61 тестовая ситуация, – это довольно объемная анкета. Однако для такого семантически богатого поля даже этого количества вопросов-стимулов недостаточно, и многие важные для понимания его структуры ситуации оказались упущены. Например, в их число не вошло разрушение с помощью стационарного фонового объекта как инструмента (‘разбить об пол’) или ситуации типа ‘крошить’, ‘дробить’ и ‘тоочь’, обозначающие разделение объекта на мелкие части, подробнее см. [Кашкин 2010].

2.4. Фреймы

Значимость аргументной структуры предиката (соответственно, набора участников ситуации) при лексико-типологическом анализе позволяет нам обратиться к понятию фрейма как структурной основы прототипических ситуаций. Наша конечная задача, как ее можно понимать в этом случае, состоит в том, чтобы выявить фреймы, релевантные для типологического описания каждой отдельно взятой семантической области. Иными словами, нужно найти такие ситуации, которые чаще всего противопоставляются лексическими средствами в языках мира.

Так, в плавании – это активное плавание (мы условно обозначаем этот фрейм английским глаголом ‘swim’), плавание неодушевленного предмета по течению (фрейм ‘drift’), статичное положение на поверхности воды (‘float’) и движение судов и на судах (‘sail’). В зоне качания фреймов значительно больше – это качание на подвеске (маятник), по типу кресла-качалки, качание на опоре (дерево от ветра), по причине деформации (старый мостик), колебание поверхности воды и др. Заметим, что, называя эти типы ситуаций фреймами, мы отклоняемся от канонического определения фрейма – а именно того, которое в свое время было предложено (и до сих пор используется – в частности, в модели FrameNet, см. <https://framenet.icsi.berkeley.edu>) Ч. Филлмором [Fillmore 1976; 1982]. Согласно [Boas 2011], фрейм Филлмора – это набор участников ситуации с приписанным им способом синтаксического выражения, но для лексико-типологического сопоставления такого определения обычно недостаточно. Например, качественные признаки практически всегда одноместны, причем кодирование их единственного участника достаточно единообразно. Поэтому, сравнивая значения качественных признаков, мы учитываем не только участника атрибутивного отношения, но еще и ограничения на его семантический тип – иначе нам пришлось бы приравнять все употребления признаков друг к другу.

Пример с признаками очень показателен, но и глагольные контексты часто не различаются по набору участников: например, активные и пассивные глаголы движения в воде (типа ‘swim’ и типа ‘drift’) в этом отношении совершенно одинаковы, а противопоставлены они как раз, как мы помним, семантическими ограничениями на субъект. Получается, что для наших целей фрейм **нужно** понимать неканонически – как общую ситуацию, в которой фиксированы прототипические участники.

Между тем на этапе заполнения анкеты мы сталкиваемся не с этими общими типами ситуаций, а с их частными реализациями, которые соответствуют строкам анкеты, – их нам еще только предстоит обобщить.

2.5. Фреймы и микрофреймы

Если брать за образец поиски универсальных значений в сфере грамматической типологии (см. прежде всего [Dahl 1985]), то естественно ориентироваться на ту процедуру работы с анкетами, которую применяют исследователи-грамматисты. При работе с анкетой они обычно имеют в виду некоторое представление о прототипе давно известного в лингвистике значения: перфекта, ирреалиса и др. Каждое прототипическое значение связано с определенным множеством (тоже известных) грамматических контекстов – им и соответствуют строки анкеты. Поэтому грамматическая анкета – это способ оценить степень близости конкретного показателя в изучаемом языке к этому прототипу: она тем больше, чем в большем числе прототипических контекстов задействован этот показатель.

Работа с лексическими значениями в этом отношении устроена иначе. Исследователь не оперирует готовыми прототипическими ситуациями, эти прототипы (т. е. в нашей терминологии – «фреймы») ему только предстоит обнаружить, опираясь на то, какие элементарные ситуации языки регулярно объединяют в одной лексеме. Но и сам набор элементарных ситуаций, которые тем или иным образом объединяются в лексические значения, не задан заранее. Чтобы их выявить, мы возвращаемся к контек-

стам, которые, напомним, были получены на основе корпусных данных и максимально дробного перебора типов аргументов. Контексты проверяются на материале нескольких языков: каждому сопоставляются все возможные в данном языке лексикализации. В результате в анкете появляются строки-контексты, которые кодируются одинаково, – тогда они совмещаются. Если некоторый тип совмещения воспроизводится во всех языках, он признается типологически релевантным и квалифицируется как микрофрейм. Хорошим примером подобного совмещения могут служить метонимически связанные контексты, например, ‘шум ветра’ / ‘шум деревьев на ветру’, ‘движение воды, закручивающейся в омуте’ / ‘движение щепок на воде, уходящих в воронку’ и т. п.

Микрофреймы соответствуют очень частным типам ситуаций и редко выражаются самостоятельной лексемой: обычно лексема совмещает несколько микрофреймов. В принципе, стратегии совмещения в разных языках разные; тем не менее, как показывает опыт, в любом семантическом поле обнаруживаются такие тенденции к обобщению, которым следует сразу несколько языков. Эти тенденции обнаруживают, какие параметры ситуации являются ключевыми для лексикализации каждого конкретного поля. Тем самым микрофреймы можно сравнить с компонентами универсального грамматического набора: точно так же, как в грамматике эти компоненты большинством языков объединяются в относительно стабильные кластеры, соответствующие грамматическим показателям, микрофреймы, как мы уже сказали, тоже кластеризуются в языках по сходным моделям, образуя фреймы, за каждым из которых (хотя и не во всех, но во многих системах) закреплена своя лексема.

Так, если взять зону перемещения в воде, то, по нашей гипотезе, плавание птиц не войдет в число фреймов (к которым, как мы помним, относятся активное плавание, плавание судов, плавание по течению и плавание на поверхности). Соответствующая ситуация оказывается как бы на стыке между активным плаванием и плаванием судов и, как правило, не обслуживается отдельной лексемой. По-видимому, редко получает свой способ лексикализации и круговое движение насекомых (‘мотыльки вокруг лампы’), обычно совмещаясь то с хищными птицами (‘ястреб над добычей’), то с вихревым движением (‘листья при сильном ветре’).

Простым грамматическим аналогом микрофрейма можно считать любое редко грамматикализующееся значение из универсального набора – такое, как тройственное число или локализация CONT ‘вплотную, в полном контакте с ориентиром’ (маркированная разновидность обычной локализации контакта в некоторых дагестанских языках, см. [Ганенков 2005]).

Микрофреймы важны для детального сопоставления языков, например, при создании типологически ориентированного словаря, но при сравнении лексических систем удобнее оперировать более крупными единицами – пучками микрофреймов, в нашей терминологии – фреймами.

2.6. Лексико-типологические карты

Наглядным инструментом для сравнения лексических систем являются семантические карты. Здесь мы вновь следуем за традицией, сформировавшейся в рамках грамматической типологии [Anderson 1982; 1986; van der Auwera, Plungian 1998; Haspelmath 2003; Татевосов 2004]. Каждая грамматическая карта представляет отдельную зону в системе языка – например, модальность, неопределенные местоимения и т. д. Узлам карты соответствуют значения из универсального набора; соответственно, закрашивая тот или иной участок карты, можно наглядно показать, какие элементарные значения склеиваются в одном показателе, и сравнить семантику этого показателя с показателями из других языков.

Сходную методику мы применяем и для сопоставления лексики. Мы строим карты для отдельных семантических полей, или областей (доменов) – аналогов грамматических категорий, а не отдельных грамматических значений. В роли узлов на картах

выступают не микрофреймы – аналоги значений из универсального набора, а более крупные единицы – фреймы.

В принципе, мы могли бы ориентироваться и на микрофреймы, но в этом случае количество точек на карте было бы слишком велико, оно значительно превышало бы число узлов, которое обычно помещают на грамматической карте – ведь, как хорошо известно, лексических значений гораздо больше, чем грамматических. Но тогда карта затруднила, а не упростила бы нашу работу: она отражала бы все множества частных, локальных объединений, свойственных каждому языку, и не позволяла бы видеть сходства между лексическими системами в целом. Таким образом, опираясь на фреймы, мы сознательно огрубляем общую картину, пренебрегая незначительными различиями. Так, если вернуться к примерам из раздела 2.5, на карту глаголов перемещения в воде мы не наносим точку ‘плавание птиц’, на карту глаголов вращения – ‘круговое движение насекомых’ и т. д. Зато благодаря этому ограничению мы можем при помощи карт выявить общие типы лексических систем в данной семантической области. В то же время для каждого отдельного микрофрейма, оставшегося за пределами карты, мы без труда определяем стратегии его совмещения с более крупными фреймами.

Взаимное расположение фреймов на карте определяется – как и в случае грамматических построений – способностью к совмещению в одном «показателе» (в нашем случае – лексеме): ближайшие фреймы совмещаются чаще других, при этом между двумя фреймами, которые покрываются одной лексемой, не может оказаться третий, который этой лексемой не описывается.

Упорядоченные таким образом фреймы образуют «каркас» семантической карты, на который затем «накладываются» данные конкретного языка, – таким образом получается семантическая карта данного языка для данной семантической области (домена). Она показывает, как в этом языке фреймы распределяются между лексическими единицами. Карты, построенные для разных языков, можно сравнивать между собой. Рассмотрим для примера поле ‘пустой’ [Тагабилева 2011]. Предварительные типологические исследования показали, что в этом поле могут быть лексически противопоставлены следующие фреймы: ‘особая форма, имеющая полость’, ‘контейнер, в котором нет содержимого’, ‘локальные пространства, в которых нет предметов’, ‘локальные пространства, в которых нет людей’, ‘(небольшие плоские) поверхности, на которых ничего нет’, и ‘крючки, на которых ничего не висит’, см. рис. 1. Ни один из исследованных языков не имеет отдельной лексики для каждого фрейма, но возможны разные стратегии их объединения в одной лексеме.

Рис. 1. Семантическая карта: домен ‘пустой’

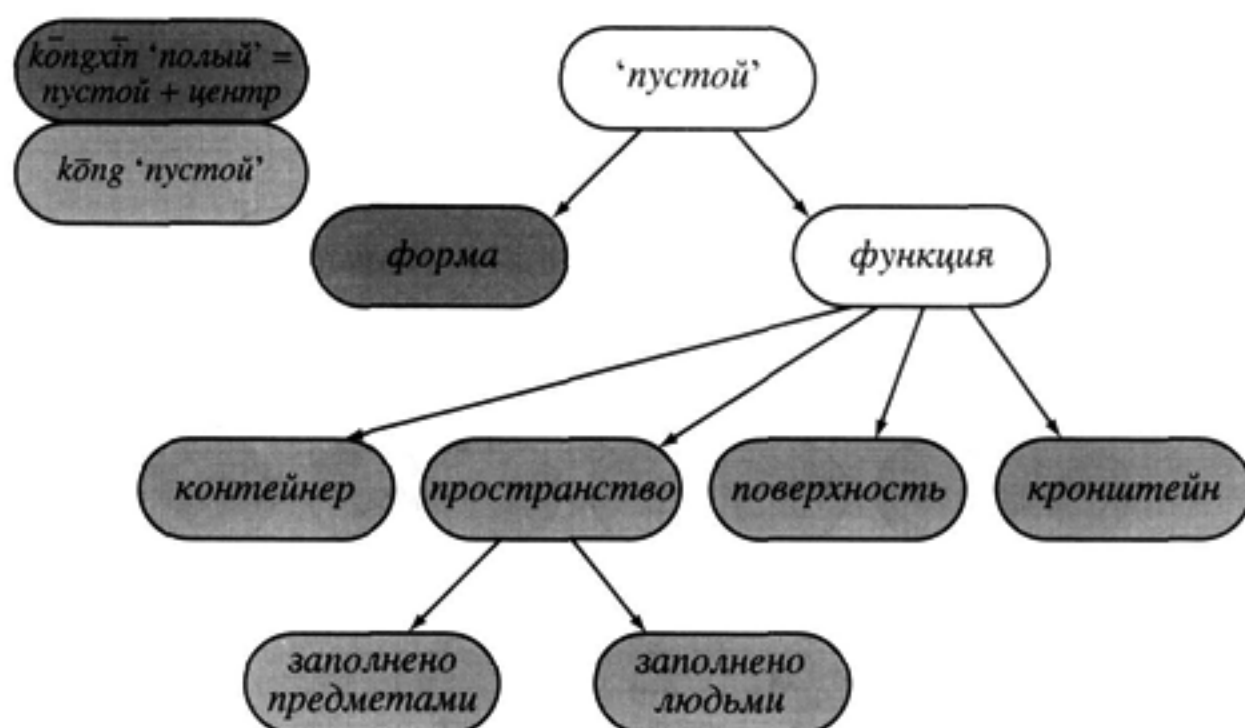

Рис. 2. Семантическая карта: домен 'пустой' в китайском языке

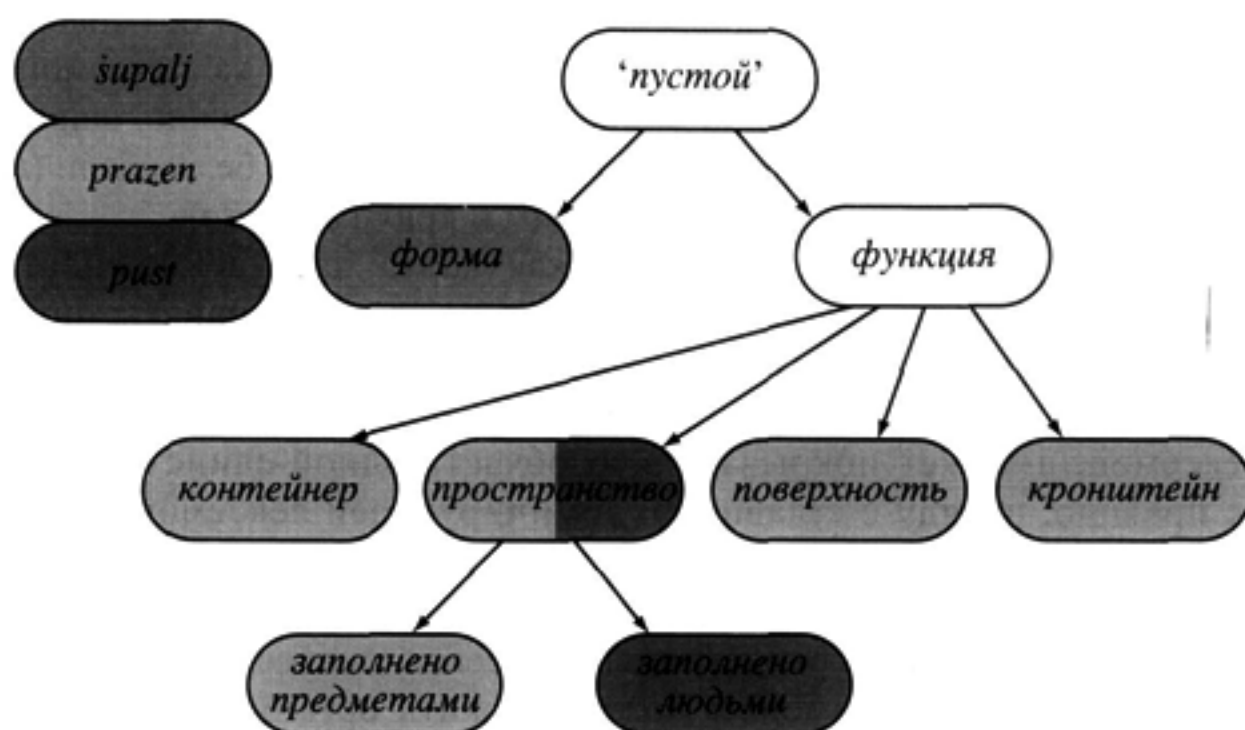

Рис. 3. Семантическая карта: домен 'пустой' в сербском языке

Например, в китайском языке (рис. 2) противопоставлены только две лексемы: одна (*kōngxīn*) выделяет фрейм формы, а другая (*kōng*) покрывает остальные – функциональные – фреймы. Заметим, что именно так устроена и русская система, в которой соответствующие лексемы (*полый* и *пустой*) не связаны друг с другом по внутренней форме (ср. кит. *kōngxīn* = 'пустой + центр'), см. [Тагабилева, Холкина 2010].

Сербский язык (рис. 3) тоже лексикализует фрейм 'полый' (*šupalj*), а кроме того имеет возможность выделить ситуацию отсутствия людей – *pust*, противопоставив ее отсутствию предметов – *prazen*. Именно такую картину фиксируют сербские словари – правда, согласно опросам носителей и корпусам, в современном сербском это распределение уже не такое жесткое: система начала перестраиваться, однако для более раннего исторического среза оно засвидетельствовано, причем, по данным С.М. Толстой [Толстая 2008], для всех славянских языков. Возможный результат последующей перестройки мы наблюдаем в русском, где один из когнатов (*prazen*) просто исчез из этой зоны, перейдя в другую семантическую область, ср.: русск. *праздный* как 'ничем не занимающийся, находящийся без работы, без дела', ср.: здесь *праздник* (holiday).

Корейская система [Сорокина 2010] существенно отличается по своей структуре (рис. 4): она распределяет фреймы между лексическими единицами более «равномерно».

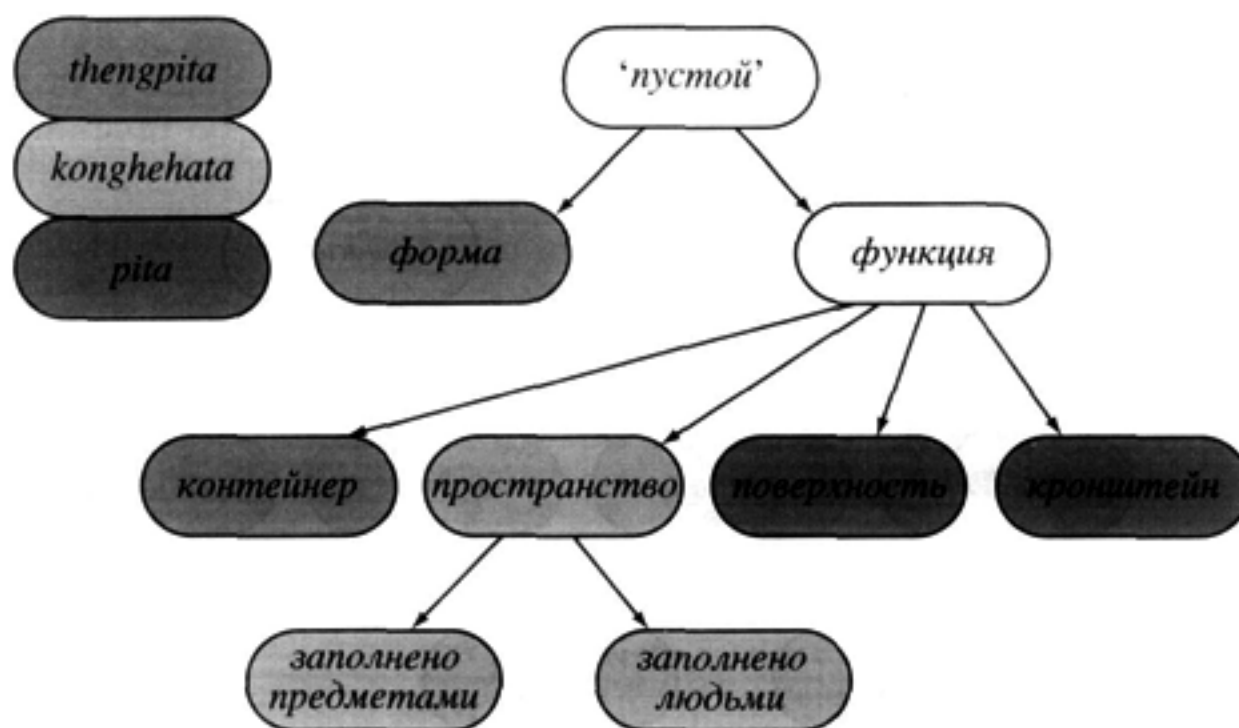

Рис. 4. Семантическая карта: домен 'пустой' в корейском языке

В частности, корейский не различает полые объекты и контейнеры без содержимого, так что пустой стакан и полая тыква будут кодироваться одной и той же лексемой (*thengpita*). Они противопоставлены, с одной стороны, пространствам – не важно, занятым людьми или предметами, ср.: 'пустая комната' – все равно, без людей или без мебели (*konghehata*), и с другой стороны, функциональным поверхностям и крючкам (*pita*).

Как и любая карта, лексико-типологическая карта дает возможность наглядно представить структуру пространства – в данном случае, пространства определенного семантического поля – и конкретные варианты его организации. Язык может оказаться классифицирующим в этой области, и в предельном случае кодировать каждый фрейм отдельной лексемой, а может покрывать всю область одной-единственной лексемой. Впрочем, как правило, наряду с «главной», доминирующей лексемой, в такой системе параллельно действуют другие, «рецессивные». Классифицирующая система – богатая, в ней много лексических противопоставлений, доминантная – бедная: противопоставления, которые обеспечивают ей рецессивные лексемы, скорее периферийны для данной семантической области. Примером может служить организация зоны плавания в немецком: доминантным для нее является глагол *schwimmen*, который может описывать все виды передвижения в воде. Остальные лексемы (*driften*, *treiben*, *segeln*) для данной зоны периферийны: в качестве глаголов плавания они малочастотны, и каждое из них покрывает лишь небольшой участок общего семантического пространства; см. [Шеманева 2007].

Таким образом, в рамках лексической типологии можно не только сравнивать семантическое наполнение отдельных лексем в разных языках, но и строить типологию систем, отражающих ту или иную семантическую область. Эта же процедура, заметим, применяется и в грамматической типологии, ср. исследования Лейпцигского института эволюционной антропологии им. Макса Планка в рамках проекта *World atlas of language structures* (см. <http://wals.info>): проект подразумевает, что по результатам анализа на карте мира отмечаются ареалы, соответствующие разным типам засвидетельствованных систем.

Однако для построения полноценной типологии, которая могла бы внести вклад в лингвистическую теорию, нужно знать не только то, какие системы в языках реализуются и ожидаемы, но и то, какие системы маловероятны – а может быть, и невозможны. Ясную картину таких ожиданий дает, на наш взгляд, зона плавания.

В общем и несколько огрубленном виде ее семантическая карта представляет собой замкнутую цепочку из четырех фреймов: 'активное плавание (прототипически, человека)', 'плавание судов', 'плавание по течению', 'нахождение на поверхности воды'.

Большинство систем соотносится со своеобразной «шкалой активности», по которой можно было бы ранжировать разные ситуации движения в воде: самым активным является плавание человека, за ним – плавание судов; плавание по течению еще менее активно, а нахождение на поверхности практически пассивно. Плавание судов обычно объединяется с плаванием по течению и частично – с активным плаванием. При таком «взгляде» на классификацию плавательных фреймов наиболее естественна стратегия объединения плавания по течению и нахождения на поверхности – в противовес активному плаванию (ср. персидский, корейский и др.). Другая стратегия, также представленная в естественных языках, соответствует лексическому выделению неконтролируемого поступательного движения предмета по течению, вместе с потоком, – тогда активное плавание объединяется с пассивным и противопоставляется плаванию по течению (ср. хинди, хакасский и др.).

Внутри этих общих стратегий возможны разные спецификации, не нарушающие общей картины⁶. Принципиально новых стратегий и объединений не наблюдается, и это согласуется с нашими представлениями о когнитивно оправданных совмещениях внутри зоны плавания. Теоретически можно предполагать, что в естественных языках мы и не встретим, например, объединения активного плавания и плавания по течению, которое было бы противопоставлено другим видам плавания, или же плавания судов с пассивным плаванием – в противовес остальным типам движения в воде.

В качестве инструмента типологического описания семантическая карта имеет возможность графически отразить запреты на такого рода совмещения: как уже было сказано, по правилам (ср. [van der Auwera, Plungian 1998; Haspelmath 2003], см. также [Татевосов 2004]), она должна быть построена так, чтобы друг с другом совмещались только соседние, ближайшие друг к другу узлы цепочки – «пропуск» узла при объединении (который как раз и возникает в случаях, которые мы описали как слабо вероятные) невозможен. Рисунки (5–8), представляющие карту зоны плавания как замкнутую цепочку из четырех фреймов, иллюстрируют сказанное.

3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕХОДЫ

И все-таки лексическая карта отличается от тех, на которых принято отражать грамматические явления. Исторически грамматические показатели часто развиваются один из другого, и поэтому пространственная близость грамматических маркеров на карте, как правило, коррелирует с диахроническими связями между ними; ср. [Narrog 2010]. Таким образом, грамматическая карта оказывается одновременно синхронной и диахронической. Что касается исторических связей между лексическими значениями, то они и сложнее устроены, и хуже исследованы, поэтому тот тип карты, который мы используем для лексико-типологических обобщений и сопоставлений, может отражать исключительно синхронный срез.

Но нужны ли вообще диахронические, т. е. исторические и этимологические данные для построения лексической типологии? Конечно, есть исследователи и исследовательские группы, которые ответят на этот вопрос положительно, потому что они сосредоточены именно на изучении диахронических изменений, ср. проекты П. Коха [Blank, Koch 2000; Gévaudan et al. 2003] или А. Дыбо ([Дыбо 1989; 1996] и др.); в большой степени ориентирован на диахронию и Каталог семантических переходов Анны А. Зализняк [Зализняк 2009]. Но из лексических типологов далеко не все готовы были бы согласиться с тем, что историческая составляющая для лексической типологии необходима. В частности, психолингвистическая группа из Неймегена исторические данные никак не учитывает, инструментарий NSM-метода А. Вежбицкой и К. Годдарда тоже не приспособлен для того, чтобы описывать изменения значения.

⁶ Например, часто специальным образом (как правило, не плавательным, а просто бытийным глаголом) маркируется подкласс пассивного плавания: нахождение предмета в небольшом сосуде (ср.: морковка в супе).

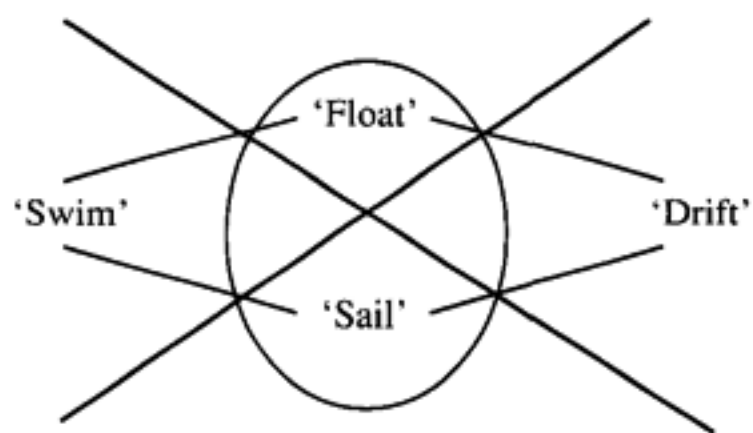

Рис. 5. Маловероятная (невозможная?) система:

лексема, совмещающая нахождение на поверхности и плавание на судах, противопоставлена глаголам активного плавания и плавания по течению

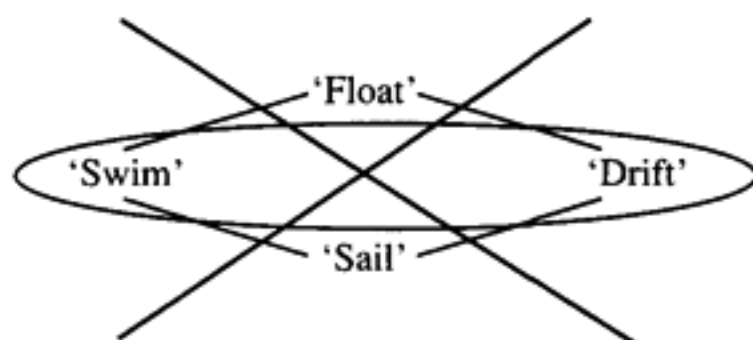

Рис. 6. Маловероятная (невозможная?) система:

лексема, совмещающая активное плавание и плавание по течению, противопоставлена глаголам нахождения на поверхности и перемещению на судах

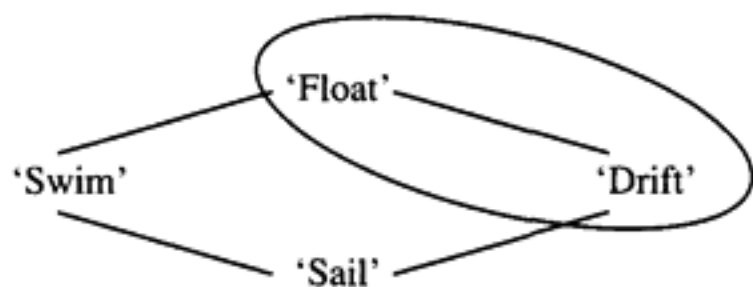

Рис. 7. Засвидетельствованная система: общий глагол пассивного плавания (совмещение перемещения по течению и нахождения на поверхности)

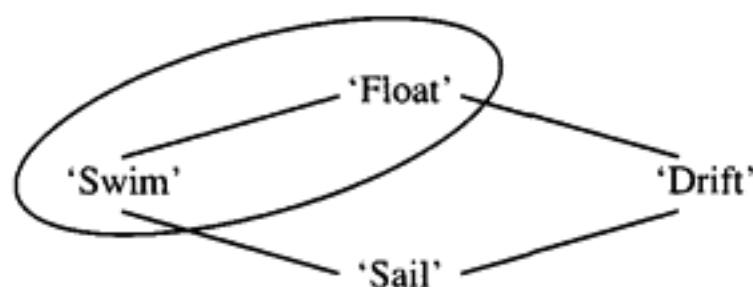

Рис. 8. Засвидетельствованная система: совмещение активного плавания и нахождения на поверхности

С нашей точки зрения, исследования семантических переходов одной лексемы в другую нужны, причем нужны именно для лексической типологии как таковой, уже потому, что:

(1) часто метафора – это единственный способ выразить релевантное для поля значение;

(2) лексическая типология исследует принципы совмещения значений, но семантические сдвиги тоже представляют собой совмещения, правда, особого рода;

(3) типологическое исследование типов совмещений, представленных в семантических сдвигах, помогает нам понять природу самих сдвигов – в частности, противопоставление метафоры и метонимии;

(4) семантические переходы могут служить удобными маркерами границ семантической области;

(5) в теоретическом плане исследование переходов позволяет связать синхронию и диахронию;

(6) в практическом – сравнить не только свойства лексем, но и свойства конструкций, в которых выступают исследуемые лексемы до сдвига и после него, а затем описать и объяснить произошедшую в них перестройку.

Все сказанное мы сейчас рассмотрим подробнее с примерами.

3.1. О метафорических полях

Большая доля словарной информации касается метафорических значений, которые выходят за пределы исследуемого поля, поскольку метафора по определению – это переход лексемы в другую семантическую зону. Значит, с практической точки зрения для лексической типологии, на сегодняшнем этапе пока исследующей принципы наполнения каждого поля в отдельности, она оказывается как будто лишней. Однако, как мы уже говорили, есть поля, которые во многих, если не во всех языках мира, представлены преимущественно метафорами – и тогда их просто нельзя игнорировать.

Именно так, например, устроено поле глаголов боли и неприятных физиологических ощущений. Число лексем, заполняющих это поле, обычно довольно велико и может доходить до 50 за счет того, что болевые ощущения людей разнообразны и локализованы в разных частях тела. Между тем, как правило, непроемных предикатов боли, как русск. *болеть* или англ. *hurt* или *ache*, в языке единицы, а разнообразие достигается за счет заимствований из других семантических полей, т. е. семантических переходов, ср.: русск. *бок прихватило*, англ. *my eyes are burning*. букв. ‘мои глаза горят’ (об ощущении жжения в глазах), хинди *peṭ kūḍ rahā hai* букв. ‘живот прыгает’ (о неприятном ощущении в животе при чувстве голода), венг. *sípol a fülem* ‘ухо свистит’, крым.-тат. *кокюси сыкъа* букв. ‘грудь давит’ (о неприятном ощущении в груди от нехватки воздуха, от тяжелой работы), агульск. *ze jak-ar arʕ.u-naa* ‘мои мышцы разбиты’ (ощущение при простуде) и т. п.; см. [Брицын и др. (ред.) 2009].

Понятно, что такого рода «метафорические поля» – это исключение. В обычном случае на первом этапе исследования семантические сдвиги из тактических соображений правильнее игнорировать, чтобы задача не стала необъятной. Дело в том, что сбор переносных значений – дело гораздо более трудоемкое, чем сбор прямых, ведь их фиксация в словаре еще менее системна. С корпусными данными тоже непросто: придется отделять окказиональные, случайные метафоры, созданные индивидуальным стилем конкретного автора от уже закрепленных в данном языке. Первые лексической типологии «не интересны», вторые – очень нужны, но, как видим, их трудно обнаружить, причем даже при работе с информантом. Информанты далеко не всегда хорошо чувствуют семантический сдвиг (и кстати, это интересная лингвистическая и психолингвистическая проблема!) и склонны переводить метафору-стимул, предъявленную исследователем, буквально, вместо того чтобы вспомнить ее аналог в своем языке или признать, что его нет. Кальки в типологическом исследовании не нужны, борьба с ними тоже отнимает много времени.

Тем не менее для теоретика семантические переходы представляют безусловный интерес, и после того как прямые значения собраны и семантическая структура поля в целом построена, мы обычно все-таки переходим к изучению семантических сдвигов (см., например, [Рахилина 2007]).

Впрочем, их классификация может стать предметом отдельного типологического исследования. Именно такую, особенную задачу мы решали в рамках проекта по типологии глаголов звука, исследуя те глаголы звучания, которые в исходном значении передают звуки животных, птиц или насекомых – ‘мычание’, ‘рычание’, ‘гогот’, ‘кудаханье’, ‘жужжание’, а в переносных – звуки, свойственные человеку (ср. для русского языка ‘мычание как знак удовольствия или неуверенной речи’, ‘рычание как знак агрессии’, ‘гогот как смех’ и т. д.) или артефакту (русск. *жужжать* о приборах: например, электрический счетчик, ср. также веретено). В других языках конкретные переходы будут другими, ср.: ‘хрюканье как знак удовольствия’ в болгарском, ‘стрекотание (кузнечиков) как смех’ в армянском, ‘карканье как хриплый голос или звук испорченной аудиоаппаратуры’ в немецком и т. д. Тем не менее, как показано в [Рахилина 2010], самые разные языки в целом воспроизводят общие модели, связывающие вид живого существа с типом человеческого поведения, а также фонетический облик звука с тем или иным типом артефактов. Это значит, что на этом и подобном ему материале, видимо, можно строить типологию.

3.2. Метафоры как совмещения значений

Совмещения значений (фреймов) в лексических единицах, которые отражены на лексико-типологических картах, происходят внутри семантического поля, но совмещению поддаются и значения, принадлежащие разным полям, или, в другой терминологии, представляющие разные таксономические классы. Лексическое объединение фреймов из разных полей как раз и представляет суть семантического перехода (как правило, метафоры). Переходы, соответствующие первичным, или базовым метафорам («primary metaphors» [Lakoff, Johnson 1980/2004; Grady 1999]), часто воспроизводятся в разных языках, так что степень их типологической устойчивости сама может стать объектом лексической типологии.

Любопытно, что тому или иному фрейму или группе смежных фреймов свойственны переходы только в определенные фреймы из другого семантического поля, то есть «трансдоменные» совмещения происходят по стандартным моделям. Например, оказывается, что фрейм активного горизонтального перемещения по воздуху (прототипически – полет птиц, за счет движения крыльев) часто совмещен с фреймом прыгания (ср.: *tʰərcʰel* (диал. *tʰərneɪ*) ‘прыгать, подпрыгивать; летать’ в восточно-армянском, *pāridān* ‘прыгать; летать, порхать’ в персидском), а фрейм пассивного горизонтального перемещения по воздуху (прототипически – стрелы, пули и т. п., за счет начального внешнего импульса) совмещается с фреймом падения (ср.: *pat-* в санскрите) (подробнее см. [Плунгян, Рахилина 2007]) – но никогда не наоборот.

В семантической зоне качественных признаков функциональный фрейм, соответствующий сужающемуся до точки узкому предмету-инструменту (как игла или копье) служит частотным метафорическим источником для характеристики хорошего слуха или зрения (ср.: русск. *острый слух*), с другой стороны, высокая скорость движения или резкий ветер как результаты семантического перехода из поля ‘острый’, скорее всего, восходят к острой линии (т. е. к прилагательному, которое используется для описания острого ножа), см. подробнее [Кюсева 2012].

Еще один пример системного перехода-совмещения в этой зоне дают значения положительных и отрицательных качеств человека, возникающие на базе физических ощущений, представляющих семантическое поле ‘твердый’. Оказывается, что разные типы человеческих свойств мотивированы разными фреймами этого поля. Отрицательные свойства (как, например, ‘жестокий’ или ‘жадный’) порождаются фреймом, который описывает результат непосредственного контакта частей человеческого тела с предметом, (ср. русск. *жесткий*: жесткое мясо трудно есть, на жесткой кровати неудобно спать). Положительные свойства (как ‘верный <слову>’) восходят к фрейму опосредованного контакта с помощью руки или инструмента (ср. ‘твердая поверхность’: на ощупь, при прикосновении рукой, или ‘твердая картошка’: недоваренная, проверяют вилкой), см. [Павлова 2012].

С теоретической точки зрения в этих примерах интересен не только эффект воспроизводимости данных переходов в других языках (лексическая типология!), который мы последовательно наблюдаем, и даже не только семантическая и когнитивная мотивированность этого эффекта, а то, как метафоры структурируют исходное семантическое поле. Мы обсудим это в разделе 3.4, а пока обратим внимание на то, что типологически релевантной бывает и метонимия.

3.3. Метонимии как совмещения значений

Наш опыт показал, что заслуживающие внимания с точки зрения лексической типологии переходы могут быть обусловлены не только сходством, но и смежностью семантических областей – то есть как раз метонимией. Это неожиданно. Действительно, наиболее распространенная метонимия вида часть-целое в большой степени универсальна и не так интересна с лексико-типологической точки зрения – именно благодаря тому, что в прототипическом случае она, в соответствии с теоретическими представлениями (ср.

[Lakoff, Turner 1989; Sweetser 1990] и др.), не выходит за пределы своей семантической области. Ср.: ‘острое лезвие’ → ‘острый нож’, ‘жесткое сиденье’ → ‘жесткий стул’, ‘порвать рукав’ → ‘порвать рубашку’, ‘сломать ветку’ → ‘сломать дерево’ и т. п.⁷

Однако есть случаи, которые выделяются из общего ряда. Например, плавание человека на судне может лексически кодироваться иначе, чем плавание самого судна: так, в индонезийском глаголы, образованные от названий разных видов судна, описывают только движение человека на судне, но не самого судна, ср.: *berkapal* ‘плыть на корабле’, *berperahu* ‘плыть на лодке’ и др. [Ландер, Крамарова 2007: 679]; в персидском перифрастический глагол *šenā kardan* букв. ‘плавание делать’ употребляется только по отношению к судну, но не пассажиру на нем, так как с субъектом-человеком этот глагол выражает идею активного плавания [Кузнецова 2007]. Разными глаголами может кодироваться плавание одной рыбы и косяка рыб: так, в русском *косяк идет*, а не **плывет*, также и в тамильском для косяка используются общие глаголы движения (ср.: *cēl* ‘идти, перемещаться’), тогда как перемещение одной рыбы может описываться глаголом активного плавания *nīntu* [Смирнитская 2007].

В области качественных признаков нетривиальный переход по смежности затрагивает, например, область скорости: в языках часто совмещаются значения скорости течения процесса или действия и скорости преодоления дистанции между точкой отсчета и началом события. Например, русск. *быстро* применимо к обоим типам ситуаций: можно сказать и *быстро шел* (скорость процесса ходьбы), и *быстро вернулся* (интервал до начала события). Так же ведет себя англ. *quickly*, нем. *schnell* и др. Но вообще говоря, эти значения могут быть и лексически противопоставлены. Например, современное русское *скорый* описывает только интервал (*скоро вернусь*), но не процесс (ср. устар. *скорая езда*); ср. также: *медленно ответил* ≈ ‘отвечал (разговаривая) медленно’ vs. *долго не отвечал* (‘длинный «пустой» интервал перед началом действия’), подробнее см. [Rakhilina, Plungian (forthcoming)].

Очень любопытно часто возникающее совмещение между смежными ситуациями плавания и течения: речь идет о плавании предмета по течению, т. е. за счет течения воды (ср.: ‘бревно плывет’), и самого течения. Это как раз тот случай, когда смежность очевидным образом, вопреки теории, перекрывает границу семантического поля и возникает между фреймами разных семантических областей (таксономических классов). Замеченный нами перенос не универсален (ни в русском, ни в английском этого эффекта нет, ср.: *течь* и *плыть*, *flow* и *drift/float*), хотя и очень распространен: в выборке проекта Aquamotion он засвидетельствован более чем в 15 языках: итальянском, шведском, литовском, польском, финском, хакасском, японском, китайском и др.

Еще более значима типологически так называемая результативная [Падучева 2004; Кустова 1998; 2004], или end-point метонимия [Lakoff 1987; Brugman, Lakoff 1988]: по определению, этот переход семантически связывает и тем самым лексически совмещает процесс и его результат: *строители огораживают*_{процесс} *площадку высоким забором* – *высокий забор огораживает*_{результат} *строительную площадку*; ср. также известный пример, демонстрирующий многозначность английского предлога *over* ‘через’: *to fly over the hill* – *to live over the hill*, букв. ‘перелететь через гору’ – ‘жить через гору’ (в том же значении, что и русск. *жить через дорогу*). В первом случае речь идет о движении, а во втором – о местонахождении в конечном пункте этого движения.

Ясно, что фреймы ситуации-процесса и ситуации-результата могут иметь достаточно различий, чтобы быть таксономически противопоставленными. Например, процесс

⁷ Тем не менее есть вопросы, касающиеся метонимии, которые интересно было бы решать именно в рамках широкого типологического исследования – например, составить список лексических групп, для которых метонимия часть-целое по каким-то причинам невозможна и проверить, верно ли, что она действительно не реализуется ни в одном языке. Кажется, так устроены глаголы движения, которые описывают или движение части, или движение всего объекта в целом, ср.: ‘лыжник катится с горы’ ≠ ‘ноги лыжника катятся с горы’ (ср. однако в специальных контекстах: *мои ноги еще продолжали механически идти*).

всплытия и результат этого процесса – плавание (нахождение) на поверхности воды представляют разные таксономические классы (= семантические зоны или поля), с разными свойствами: процесс всплытия – это вертикальное перемещение в воде, а плавание на поверхности – горизонтальное. Тем не менее, как показано в [Рахилина 2007], во многих языках мира (японском, китайском, хинди и др.) эти ситуации совмещаются в одной лексеме в силу своей смежности.

3.4. Домены и семантические переходы; маркирование фреймовых границ

Итак, для лексической типологии фиксация семантических переходов, причем, как видим, не только метафор, но и метонимий, важна уже потому, что сам по себе переход представляет склеивание фреймов, а значит, попадает в сферу ее задач. Другое дело, что при этом типе склеивания фреймы принадлежат разным семантическим областям и не укладываются в одну семантическую карту. Для того чтобы представить такие связи графически и еще соотнести их с картой описываемого поля, нужно было бы предусмотреть дополнительные плоскости: фрагменты карт других семантических полей – но это уже сложная многомерная структура. Для одного языка ее представить нетрудно, но наложить несколько карт друг на друга, как мы это делаем с прямыми значениями, и сравнить результаты графически, пожалуй, было бы невозможно.

Есть и другое важное различие в структуре прямых и переносных значений. Совмещение прямых значений касалось семантического поля в целом, и именно семантическое поле в целом описывали наши лексико-типологические карты. Метафоры и те метонимии, которые нарушают границы поля, имеют в качестве своего источника конкретные, достаточно узкие типы ситуаций, а не семантическую область в целом. Это обстоятельство, кстати, проясняет трудности, возникающие при пересчете с одной терминологической системы на другую. В нашей терминологии такие подобласти соответствуют фреймам, но в теоретической литературе, посвященной метафорам, о них говорят как о *доменах*. Одновременно доменом часто называют и то, что мы бы назвали полем или таксономическим классом. Между тем домен в значении ‘фрейм’ и домен в значении ‘семантическое поле’ – вещи совершенно разные, в частности, разного объема, хотя и те и другие представляют собой определенные зоны семантического пространства. Поэтому когда речь заходит о сходстве между доменами как о базовом свойстве метафорических переходов, имеются в виду подобласти **разных** семантических полей, равные **фреймам**, но не сами поля: склеивание фреймов внутри одного поля не принято называть метафорами, целые же поля дают слишком разнородную метафорику.

Разным фреймам и группам фреймов, вообще говоря, могут быть свойственны разные семантические переходы, и, как мы видели на примерах из этого раздела, эти переходы устойчивы и типологически релевантны: они воспроизводятся в разных языках. Соответственно, семантические переходы можно использовать как косвенное подтверждение границ фреймов внутри семантического поля. Этот эффект хорошо прослеживается, например, на материале глаголов перемещения в воде.

Один из фрагментов этой зоны – плавание по течению – лишь в незначительном числе языков получает отдельное лексическое выражение, в большинстве же случаев он совмещается или с движением судов, или с нахождением на поверхности воды, так что можно было бы усомниться в необходимости выделять подзону плавания по течению в качестве отдельного фрейма. Однако существенным фактором здесь оказывается метафорика: выясняется, что это значение служит источником для своего собственного класса метафор. В их основе лежит идея беспрепятственного движения, ср.: ‘плавное движение по поверхности’, ‘перемещение по воздуху’, ‘беспрепятственное проникновение куда-л.’ и др. (подробнее см. [Рахилина 2007]). Такая специфика «метафорического потенциала» указывает на когнитивную обособленность подзоны плавания по течению, поэтому мы и рассматриваем ее как отдельный фрейм в составе общего поля движения в воде.

Конечно, корреляции между фреймами и соответствующими им метафорами трудно установить на материале отдельного языка – подобные тенденции ясно прослеживаются только в типологической перспективе. Напротив, отдельный язык может создать иллюзию нарушения общего распределения. Эта иллюзия часто возникает за счет совмещения соответствующих фреймов в исходном поле. Наглядной иллюстрацией этого может служить описание движения времени, которое вдруг в некоторых языках обнаруживает в качестве семантического источника глаголы движения по течению: ‘плыть по течению’ → ‘идти (о времени)’. Если рассматривать его изолированно, этот переход выглядит очень необычно. В то же время, если бы на месте глагола плавания по течению оказался глагол движения воды (‘течь’), то такой источник метафоры выглядел бы очень естественно, потому что время, как и многие другие абстрактные сущности, само уподобляется (движущемуся) веществу (ср. хотя бы грамматическое поведение таких лексем в артиклевых языках). Но противоречия нет: дело в том, что такой нестандартный сдвиг значения возникает только в тех языках, где плавание по течению совмещено с течением воды (тип метонимии, который мы только что обсуждали). Значит, данная метафора порождена не плавательным фреймом, а фреймом течения, так что из описания семантических переносов, свойственных плавательной зоне, ее можно просто исключить.

Понятно, что возможны ситуации, когда настоящий семантический источник сдвига на самом деле гораздо шире значения одного фрейма. Именно так, видимо, устроены метафоры с достаточно абстрактной конечной зоной, например ‘приблизительность’. Идея приблизительности может моделироваться как предикатами качания (*значение данного параметра колеблется около нулевой отметки*), так и вращения (например, испанский глагол *rondar* употребляется в контекстах типа ‘цена на гамбургер составляет примерно (букв. кружит вокруг) 3 евро’). Однако при более широком понимании этого значения – как идеи ‘нестабильности’ – источники данной метафоры оказываются еще разнообразнее: она может восходить к различным видам итеративного движения, ср., в частности, глаголы с семантикой нахождения на поверхности воды (фрейм, подразумевающий неустойчивое положение на воде, то есть движение субъекта из стороны в сторону): англ. *floating rate* и русский аналог этого выражения *плавающий курс валюты*, см. подробнее [Рахилина 2007].

Переходы, о которых мы только что говорили, имеют засвидетельствованный в языке лексический источник и служат надежной основой для построения лексической типологии. В этом смысле они синхронны. Одновременно они представляют собой результаты исторических изменений и в этом качестве могут объединяться с диахроническими явлениями. «Синхронные» семантические переходы нужны лексической типологии – а нужна ли ей диахроническая лексикология в целом?

3.5. Об исторических сдвигах значения

В принципе, привлечение более глубокого исторического слоя, доступного нам как результат лексических реконструкций, тоже может помочь в расширении релевантного для лексической типологии материала: по сути дела, этимологии описывают те же семантические переходы, только отложенные во времени как лингвистические гипотезы, более или менее вероятные. Поэтому в перспективе, когда лексико-типологических исследований будет много, «сложение» лексико-типологических результатов с этимологическими должно дать эффект увеличения вероятности той или иной этимологической гипотезы. Пока же наоборот, этимологии могут помочь лексической типологии. Тем не менее, если сравнивать наши проекты с тем же Каталогом семантических переходов (проект под рук. Анны А. Зализняк), то для нас исторические этимологические словари являются скорее дополнительным источником лингвистической информации – хотя в ряде работ мы на эти источники опирались существенно [Плунгян, Рахилина 2007; Rakhilina, Plungian (forthcoming)] и получили результаты, интересные с методологической точки зрения.

Мы уже упоминали о совмещении значения активного движения в воздухе (полет птиц) и прыгания, описанном в [Плунгян, Рахилина 2007] на основе анализа синхронных данных целого ряда языков, ср. рутульский (лезгинская группа): глагол *la=w=č*- ‘летать; прыгать’ и др. В статье отмечаются и случаи параллельного существования обоих значений в парах когнатов, ср.: литовское *lėkti* ‘летать’, соответствующее латышскому *lekt* ‘прыгать’, или польско-русское соответствие (глагол со значением ‘летать’ в польском может употребляться в контекстах, в которых русский язык требует появления глагола ‘прыгать’, ср.: польск. *usta mu latają* (букв. ‘губы ему летают’), эквивалентное русскому *у него дрожат / прыгают губы*).

Остается вопрос – непростой для этой пары значений: какое из них исходно? Как правило, ответ на такой вопрос очевиден, потому что один из связанных друг с другом смыслов обычно более абстрактен, чем другой, а значит, скорее всего, вторичен, как учат нас теоретики. Но в данном случае оба предиката представляют достаточно конкретные значения, так сказать, одного порядка – и здесь как раз могла бы помочь этимология. Между тем этимологи связывают балтийский корень со славянским **let-/lēt-*; следы этого корня специалисты склонны видеть и в других индоевропейских языках, в частности, германских – в большинстве случаев со значением ‘прыгать, подпрыгивать’, но также ‘лягать; топтать’ и некоторыми другими (см., например, [Фасмер 1986–1987, 2: 488]). Таким образом, если доверять этимологам, первичным в этой паре оказывается ‘прыгать’, а ‘летать’ – производным, т. е. результатом семантического перехода. В принципе, такое направление перехода довольно правдоподобно – оно не противоречит лексико-типологическим данным и говорит о том, что значение падения неодушевленных объектов развивается из фрейма летания, видимо, позже.

3.6. Лексическая типология как типология конструкций

Задача построения полного инвентаря источников и мишеней семантических переходов очень интересна и пока не решена: и словарь [Heine, Kuteva 2002], описывающий возможные лексические источники грамматикализации, и Каталог семантических переходов, о котором мы уже не раз говорили [Зализняк 2009], далеко не полны, и их расширение займет долгие годы. На сегодняшний день, например, вся признаковая зона в [Heine, Kuteva 2002] исчерпывается двумя значениями (‘плохой’ и ‘подлинный / настоящий’). В то же время в такой постановке эта задача для лексической типологии слишком узка и недостаточна, ведь источник и мишень не описывают сдвига целиком, они представляют собой только два его компонента.

Между тем описание сдвига в целом, как мы уже говорили, должно учитывать, во-первых, семантический тип перехода – метафора это или метонимия, т. е. сходство или смежность фреймовых значений, а во-вторых, конструкции, соответствующие всем реализациям фрейма, и исходным, и производным, и – что самое главное – степень их соответствия. Соответствие можно изучать теоретически ([Апресян 1967; Goldberg 1995] и др.), но можно и типологически ([Haspelmath, Buchholz 1998; Шеманаева 2008], проект Лейпцигского института эволюционной антропологии им. Макса Планка о валентных классах глаголов, см. <http://www.eva.mpg.de/lingua/valency/index.php>; ср. также [Брицын и др. (ред.) 2009]).

В последнем случае типологически изучаются лингвистические процессы, которые запускаются при переходе лексемы из одного домена в другой, имеющий, как мы уже не раз говорили, другие свойства. При этом переходе можно наблюдать изменения (в каких-то случаях даже радикальные) в окружении лексемы, другими словами, изменения свойственной ей конструкции. Собственно, мена конструкции – это просто лингвистическое средство маркирования подобного перехода, но оно используется далеко не всегда. Конструкции, описывающие ситуации, связанные с таксономически далекими друг от друга областями, могут тем не менее удачно накладываться друг на друга и не претерпевать никаких изменений, когда фреймы связанных с ними ситуаций отобража-

ются один в другой, так сказать, «послотно»: между слотами одного и другого фрейма устанавливается взаимно однозначное соответствие⁸.

Отображение одного домена в другой, при котором возникает взаимно однозначное (или близкое к нему) соответствие источника и результата метафоры – свойство абстрактных понятий, которые недоступны восприятию; часто так ведут себя эмоции, не имеющие «самостоятельных» концептов. Их фреймы всегда моделируются на основании более простых, физиологических состояний, довольно точно «копируя» соответствующий лингвистический контекст и поведение исходного слова. Ср. русск.: *мне больно смотреть на свет* (физиологическое значение) – *мне больно (весело / грустно...) видеть это* (эмоция), англ. *the fire seared his skin* ‘огонь опалил его кожу’ – *jealousy seared him* букв. ‘ревность опалила его’.

Типологически же гораздо интереснее те случаи, когда переход осуществляется между семантически очень далекими полями, поэтому не только никакой взаимооднозначности, но и простого отображения между фреймом-источником и фреймом-мишенью установить нельзя, ср.: в русск. *везти* ‘каузировать движение’ (*везти коляску*) – ‘быть удачливым’ (*ему везет*); *мешать* ‘соединять несколько веществ в однородную массу’ (*мешать вино с водой*) – ‘препятствовать кому-л. в какой-л. деятельности’ (*мешать папе работать*), *тащиться* ‘передвигаться медленно, с трудом’ (*тащиться в гору*) – ‘получать удовольствие от чего-л., очень любить что-л.’ (*тащиться от современного искусства*). Таких примеров необычайно много, но современная теория метафоры практически игнорирует проблематику, связанную с ними, описывая все метафорические процессы как отображение (mapping) одного домена (в терминах [Lakoff, Johnson 1980/2004; Croft 1993] и др.) или ментального пространства (в терминах [Fauconnier 1985]) в другой.

Обе модели сосредоточены на поиске прямых совпадений в концептуализации источника и метафоры. Поэтому, когда обсуждаются знаменитые примеры типа (1) СПОР КАК ВОЙНА [Lakoff, Johnson 1980/2004] или (2) ХИРУРГ КАК МЯСНИК [Grady et al. 1999; Fauconnier, Turner 2002], обращают внимание на существование в исходном и конечном семантическом пространстве противоборствующих сторон в (1) или активного агенса, инструмента и пациенса в (2): структурное тождество пространств дает возможность их сравнить и отождествить. То, что ему не подчиняется, можно игнорировать, «забыв», что в споре не убивают и что мясник имеет дело с мертвой тушей, а не с живым пациентом: ни в одной метафоре тождество сравниваемых пространств, говорят теоретики, не может быть совершенно полным⁹. Но с логической точки зрения и (1), и (2) представляют случаи отображений. Если же взять переход типа: *девочка везет коляску* → *ему везет* (подробнее см. прежде всего [Кустова 1998]), в результирующей области придется проигнорировать субъект, объект, добавить экспериенциального участника и т. п., так что «узнать» источник в мишени (как мы «узнаем» мясника в хирурге или войну в споре) уже не так просто.

Естественнее всего было бы выделить переходы-не-отображения в отдельный тип. Как мы показали в [Рахилина и др. 2010; Reznikova et al. 2012] на примере типологиче-

⁸ Если использовать логические термины, то в этом случае следует говорить не просто об отображении, но об отображении, одновременно инъективном (в котором задействованы все элементы исходного множества) и сюръективном (в котором задействованы все элементы конечного).

⁹ В качестве примера можно рассмотреть следующую метафору русского глагола *качать*: *качать воду / нефть* <например, из колонки в ведро> → *качать данные* <из Интернета в компьютер>, где обе ситуации в достаточной степени предметны и имеют собственную ясно выраженную структуру и набор участников. При этом структура исходной ситуации предполагает, в частности, что субъект затрачивает механические усилия, работая рукой (качая воду) или используя сложные устройства (на нефтяной скважине) – этот компонент (вместе с участником ‘рука’) утрачивается при переходе в новую область полностью. Наоборот, возможность представить выкачиваемую субстанцию как дискретную (набор отдельных файлов, ср. *качать файлы*) отсутствует у исходной ситуации и др. Все это говорит о том, что хотя при обычной метафоре и имеется в виду сходство сравниваемых семантических областей, сходство это не обязательно полное.

ского обследования зоны болевых ощущений (ср. в русск.: *колоть* 'физическое воздействие инструментом' → *бок колет* 'боль', *схватить* 'физическое воздействие руками' → *живот схватило* 'боль' и др.), такой переход очень своеобразен. Он демонстрирует отдельные черты метафоры и отдельные черты метонимии и имеет принципиальное сходство с имплицативным процессом, происходящим при грамматикализации. Как и при грамматикализации, этот переход лексемы из одного домена в другой (но, в отличие от грамматикализации, тоже лексический) может сопровождаться (маркироваться) не только меной синтаксической конструкции, свойственной исходной лексеме, но и изменением ее морфологических характеристик (например, редукцией словоизменной парадигмы). Таким образом, чтобы закрепить семантические изменения, которые происходят в структуре слова при смене им таксономического класса, и отличить его новые употребления от старых, часто приходится полностью перестроить модели его лингвистического поведения на всех уровнях (исключая разве что фонетический). Такую тотальную лексическую перестройку мы назвали **ребрендингом** (подробнее о ребрендинге см. [Рахилина и др. 2010; Reznikova et al. 2012]).

По нашему мнению, исследование источников, мишеней и типов ребрендинга, когнитивной устойчивости и типологической значимости этого перехода – одна из интересных задач лексической типологии, которая, кстати, повышает ее статус: с ее помощью лексическая типология легко перешагивает границы узкой подобласти семантики и превращается в перекресток общезначимых лингвистических задач, связанных со структурой и функционированием языковых конструкций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексическая типология – в разных представлениях об этом новом направлении лингвистики – ставит перед собой разные задачи, все они захватывающие и в теоретическом, и в практическом плане.

Неймегенская школа изучает лексику как психолингвистическую реальность. Ее исследователей интересует вопрос, как носители разных языков реагируют на одинаковые стимулы – вкус, цвет, клип или слайд, иллюстрирующий некоторую внеязыковую ситуацию: одинаково или по-разному? Слова для них как для психологов – это такие реакции, и больше ничего, поэтому их сугубо лингвистические свойства (морфология, синтаксис, семантические переходы и т. п.) очень часто остаются в тени (даже в интереснейших работах Стивена Левинсона, см. [Levinson 2003; Levinson, Wilkins (eds.) 2006] и др.). Дело в том, что с этой точки зрения набор стимулов и его полнота не так уж важны, важно доказать сам факт общности когнитивного поведения говорящих, имеющих принципиально разный языковой опыт – а значит, существование своего рода общей когнитивной базы для всех языков мира.

Клифф Годдард и Анна Вежбицкая, представляющие особую лексико-типологическую школу, решают давнюю логическую задачу: можно ли маленьким набором примитивных смыслов (для которых, по их мнению, в языке всегда есть лексические корреляты) описать все на свете слова во всех языках. Таким образом, их главная задача – не соотнести друг с другом разные слова разных языков, а установить их связь с очень небольшим, меньше сотни, подмножеством лексических единиц. Если это удастся, будет устранено множество проблем. Мало того, что будет доказано, что вариативность языков не так уж велика, сама собой решится и задача облегчения и упрощения так называемой межкультурной коммуникации: носители разных языков научатся понимать друг друга.

Лексическая типология в нашем понимании нацелена на реальное сопоставление лексического состава языков и объема значения лексем, представляющих в каждом из них то или иное семантическое поле. Такая задача в далекой перспективе может иметь в виду составление мультязычного словаря (в идеале – универсального) на базе ответов на вопросы множества анкет, содержащих в качестве входов различительные микро-

фреймы для каждого поля. Понятно, что решить такую задачу качественно, но быстро вряд ли удастся, поэтому нам бы хотелось акцентировать и ее теоретический аспект.

Мы уверены, что собранный по нашей методике лексико-типологический материал позволяет доказать системность лексики, а значит, помогает предсказывать поведение слов в лексической системе произвольного языка и, в частности, их дальнейшее семантическое развитие. Именно поэтому мы так тщательно определяем и фиксируем не просто лексические значения, но и возможные для них типы семантических сдвигов. Мечта состоит в том, чтобы научиться видеть релевантные противопоставления даже на материале небольшого числа языков, так чтобы при расширении выборки реконструируемую сеть значений не приходилось пересматривать, а только уточнять или детализировать. Мы уверены, что общая лексическая система в языках есть и устроена она настолько прозрачно, что эта мечта вполне реализуема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1967 – Ю.Д. *Апресян*. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян 1974/1995 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974 (2-е доп. изд.: Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. I. М., 1995).
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. О языке толкований и семантических примитивах // Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 2009 – Ю.Д. *Апресян*. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. (Studia philologica.) М., 2009.
- Апресян и др. 1979 – Ю.Д. *Апресян*, В.В. *Ботякова*, Т.Э. *Латышева* и др. Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
- Брицын и др. (ред.) 2009 – В.М. *Брицын*, Е.В. *Рахилина*, Т.И. *Резникова*, Г.М. *Яворская* (ред.). Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. Киев, 2009.
- Ганенков 2005 – Д.С. *Ганенков*. Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Гладкова 2010 – А.Н. *Гладкова*. Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки. М., 2010.
- Дыбо 1989 – А.В. *Дыбо*. К истории традиционных антропометрических терминов // Советская тюркология. 1989. № 1.
- Дыбо 1996 – А.В. *Дыбо*. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
- Зализняк 2009 – Анна А. *Зализняк*. О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог'2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М., 2009.
- Кашкин 2010 – Е.В. *Кашкин*. Семантика глаголов разделения объекта на части в эрзянском и коми-зырянском языках (прямые и переносные употребления). Дипломная работа. МГУ. М., 2010.
- Кибрик 1992 – А.Е. *Кибрик*. Типология родственных языков: синхрония и эволюция // Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков. М., 1992.
- Кретов и др. 2011 – А.А. *Кретов*, И.А. *Меркулова*, В.Т. *Титов*. Проблемы количественной лексикологии славянских языков // Вопросы языкознания. 2011. № 1.
- Круглякова 2010 – В.А. *Круглякова*. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Кузнецова 2007 – Ю.Л. *Кузнецова*. Глаголы перемещения в воде в персидском языке // Т.А. *Майсак*, Е.В. *Рахилина* (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Кустова 1998 – Г.И. *Кустова*. Производные значения с экспериенциальной составляющей // Семантика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Кустова 2004 – Г.И. *Кустова*. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Кюсева 2012 – М.В. *Кюсева*. Лексическая типология семантических сдвигов названий качественных признаков 'острый' и 'тупой'. Дипломная работа. МГУ. М., 2012.

- Ландер, Крамарова 2007 – Ю.А. Ландер, С.Г. Крамарова. Индонезийские глаголы плавания и их система // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Майсак, Рахилина (ред.) 2007 – Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Мельчук, Холодович 1970 – И.А. Мельчук, А.А. Холодович. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4.
- НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004.
- Павлова 2012 – Е.К. Павлова. Качественные признаки 'мягкий' и 'твердый' в типологической перспективе. Курсовая работа. МГУ. М., 2012.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян, Рахилина 1996 – В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. [Рец. на:] С. Goddard, A. Wierzbicka (eds.). Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings. Amsterdam, 1994 // Вопросы языкознания. 1996. № 3.
- Плунгян, Рахилина 2007 – В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. К типологии глаголов 'летать' и 'прыгать' // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Подлипенцева 2011 – А.А. Подлипенцева. «Живой» и «мертвый» как источники признаков метафор (в типологическом освещении). Дипломная работа. РГГУ. М., 2011.
- Рахилина 2007 – Е.В. Рахилина. Типы метафорических употреблений глаголов плавания // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Рахилина 2010 – Е.В. Рахилина. Звуки Му // Проблемы грамматики и типологии: Сб. статей памяти В.П. Недялкова. М., 2010.
- Рахилина, Плунгян 2007 – Е.В. Рахилина, В.А. Плунгян. О лексико-семантической типологии // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Рахилина, Прокофьева 2004 – Е.В. Рахилина, И.А. Прокофьева. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания. 2004. №1.
- Рахилина, Прокофьева 2005 – Е.В. Рахилина, И.А. Прокофьева. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // В.Н. Топоров (ред.). Язык. Личность. Текст. Сб. к 70-летию Т.М. Николаевой. М., 2005.
- Рахилина и др. 2010 – Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, А.А. Бонч-Осмоловская. Типология преобразования конструкций: предикаты боли // Е.В. Рахилина (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М., 2010.
- Смирнитская 2007 – А.А. Смирнитская. Глаголы перемещения в воде в тамильском языке // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Сорокина 2010 – А.С. Сорокина. Семантика качественных прилагательных со значением 'острый', 'тупой', 'полный' и 'пустой' в корейском языке. Дипломная работа. РГГУ. М., 2010.
- Тагабилева 2011 – М.Г. Тагабилева. Качественные признаки 'пустой', 'полный': к построению семантической типологии. Курсовая работа. МГУ. М., 2011.
- Тагабилева, Холкина 2010 – М.Г. Тагабилева, Л.С. Холкина. Качественные признаки «пустой» и «полный» в типологическом освещении // Материалы Седьмой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 2010.
- Татевосов 2004 – С.Г. Татевосов. Семантическое картирование: метод и теория // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2004. № 1.
- Титов 2002 – В.Т. Титов. Общая квантитативная лексикология романских языков. Воронеж, 2002.
- ТКС – И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14.) Wien, 1984.
- Толстая 2008 – С.М. Толстая. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
- Фасмер 1986–1987 – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986–1987.
- Храковский (ред.) 1989 – В.С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л., 1989.

- Шеманаева 2007 – О.Ю. Шеманаева. Выражение перемещения в воде в немецком языке // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Шеманаева 2008 – О.Ю. Шеманаева. Конструкции размера в типологической перспективе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Aikhenvald 2000 – A.Y. Aikhenvald. Classifiers: A typology of noun categorization devices. Oxford, 2000.
- Amberber (ed.) 2007 – M. Amberber (ed.). The language of memory in a cross-linguistic perspective. Amsterdam, 2007.
- Anderson 1982 – L.B. Anderson. The 'perfect' as a universal and as a language-particular category // P.J. Hopper (ed.). Tense-aspect: Between semantics & pragmatics. Amsterdam, 1982.
- Anderson 1986 – L.B. Anderson. Evidentials, paths of change, and mental maps: typologically regular asymmetries // W. Chafe, J. Nichols (eds). Evidentiality: The linguistic encoding of epistemology. Norwood, 1986.
- van der Auwera, Plungian 1998 – J. van der Auwera, V.A. Plungian. Modality's semantic map // Linguistic typology. 1998. V. 2. № 1.
- Berlin, Kay 1969 – B. Berlin, P. Kay. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley, 1969.
- Blank, Koch 2000 – A. Blank, P. Koch. La conceptualisation du corps humain et la lexicologie diachronique romane // H. Dupuy-Engelhardt, M.-J. Montibus (eds.). La lexicalisation des structures conceptuelles: Actes du colloque international EUROSEM 1998. (Recherches en linguistique et psychologie cognitive, 13.) Reims, 2000.
- Boas 2011 – H.C. Boas. Constructing parallel lexicon fragments based on English FrameNet entries: Semantic and syntactic issues // H. Hedeland, T. Schmidt, K. Woerner (eds.). Multilingual resources and multilingual applications. Proceedings of the German society for computational linguistics and language technology (GSCL) 2011. Hamburg, 2011.
- Brugman, Lakoff 1988 – C.M. Brugman, G. Lakoff. Cognitive topology and lexical networks // G.W. Cottrell, S.L. Small, M.K. Tanenhaus (eds.). Lexical ambiguity resolution: Perspectives from psycholinguistics, neuropsychology and artificial intelligence. San Mateo (CA), 1988.
- Bybee 1985 – J.L. Bybee. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Bybee, Dahl 1989 – J.L. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in language. 1989. V. 13.
- Bybee et al. 1994 – J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Comrie 1976 – B. Comrie. Aspect. Cambridge, 1976.
- Comrie 1985 – B. Comrie. Tense. Cambridge, 1985.
- Corbett 1991 – G.G. Corbett. Gender. Cambridge, 1991.
- Corbett 2000 – G.G. Corbett. Number. Cambridge, 2000.
- Croft 1993 – W. Croft. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymy // Cognitive linguistics. 1993. V. 4. № 4.
- Cusihuamán 2001 – A. Cusihuamán. Diccionario Quechua: Cuzco-Collao. 2-nd ed. Lima, 2001.
- Dahl 1985 – Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford; New York, 1985.
- Evans 2011 – N. Evans. Semantic typology // J.J. Song (ed.). The Oxford handbook of linguistic typology. Oxford; New York, 2011.
- Fauconnier 1985 – G. Fauconnier. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural languages. Cambridge (MA), 1985.
- Fauconnier, Turner 2002 – G. Fauconnier, M. Turner. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York, 2002.
- Fillmore 1976 – Ch.J. Fillmore. Frame semantics and the nature of language // Annals of the New York Academy of sciences: Conference on the origin and development of language and speech. 1976. V. 280.
- Fillmore 1982 – Ch.J. Fillmore. Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm. Seoul, 1982.
- Geeraerts 1988 – D. Geeraerts. [Рец. на:] A. Wierzbicka. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985 // Language in society. 1988. V. 17.
- Geeraerts 1993 – D. Geeraerts. 'Vagueness's puzzles, polysemy's vagaries' // Cognitive linguistics. 1993. V. 4. № 3.
- Gévaudan et al. 2003 – P. Gévaudan, P. Koch, A. Neu. Hundert Jahre nach Zauner: Die romanischen Namen der Körperteile im DECOLAR // Romanische Forschungen. 2003. Bd. 115. № 1.

- Goddard 1998 – C. Goddard. *Semantic analysis: A practical introduction*. Oxford, 1998.
- Goddard 2001 – C. Goddard. Lexico-semantic universals: a critical overview // *Linguistic typology*. 2001. V. 5. № 1.
- Goddard (ed.) 2008 – C. Goddard (ed.). *Cross-linguistic semantics*. Amsterdam; Philadelphia, 2008.
- Goddard, Wierzbicka (eds) 1994 – C. Goddard, A. Wierzbicka (eds). *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*. Amsterdam, 1994.
- Goddard, Wierzbicka (eds) 2002 – C. Goddard, A. Wierzbicka (eds). *Meaning and universal grammar: Theory and empirical findings* (2 vol.). Amsterdam; Philadelphia, 2002.
- Goldberg 1995 – A.E. Goldberg. *Constructions. A construction grammar approach to argument structure*. Chicago; London, 1995.
- Grady 1999 – J.E. Grady. A typology of motivation for conceptual metaphor: Correlation vs. resemblance // R.W. Gibbs (Jr.), G.J. Steen (eds). *Metaphor in cognitive linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, 1999.
- Grady et al. 1999 – J.E. Grady, T. Oakley, S. Coulson. Conceptual blending and metaphor // R.W. Gibbs (Jr.), G.J. Steen (eds). *Metaphor in cognitive linguistics*. Amsterdam; Philadelphia, 1999.
- Haspelmath 2003 – M. Haspelmath. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // M. Tomasello (ed.). *The new psychology of language*. V. 2. Mahwah (NJ), 2003.
- Haspelmath, Buchholz 1998 – M. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similitive constructions in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. (Empirical approaches to language typology. EURO-TYP, 20-3.) Berlin, 1998.
- Heine, Kuteva 2002 – B. Heine, T. Kuteva. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge, 2002.
- Janda, Solovyev 2009 – L.A. Janda, V. Solovyev. What constructional profiles reveal about synonymy: A case study of Russian words for SADNESS and HAPPINESS // *Cognitive linguistics*. 2009. V. 20. № 2.
- Katz, Fodor 1963 – J.J. Katz, J.A. Fodor. The structure of a semantic theory // *Language*. 1963. V. 39.
- Kibrik 1998 – A.E. Kibrik. Does intragenetic typology make sense? // W. Boeder, C. Schroeder, K.H. Wagner, W. Wildgen (eds). *Sprache in Raum und Zeit. In memoriam Johannes Bechert*. Bd. 2: Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft. Tübingen, 1998.
- Kopecka, Narasimhan (eds) 2012 – A. Kopecka, B. Narasimhan (eds). *Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective*. Amsterdam, 2012.
- Koptjevskaja-Tamm 2008 – M. Koptjevskaja-Tamm. Approaching lexical typology // M. Vanhove (ed.). *From polysemy to semantic change: Towards a typology of lexical semantic associations*. Amsterdam, 2008.
- Koptjevskaja-Tamm et al. 2010 – M. Koptjevskaja-Tamm, D. Divjak, E. Rakhilina. Aquamotion verbs in Slavic and Germanic: A case study in lexical typology // V. Driagina-Hasko, R. Perelmutter (eds). *New approaches to Slavic verbs of motion*. Amsterdam, 2010.
- Lakoff 1987 – G. Lakoff. *Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind*. Chicago; London, 1987.
- Lakoff, Johnson 1980/2004 – G. Lakoff, M. Johnson. *Metaphors we live by*. Chicago; London, 1980 (русск. пер.: Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004).
- Lakoff, Turner 1989 – G. Lakoff, M. Turner. *More than cool reason: A field guide to poetic metaphor*. Chicago, 1989.
- Lehrer 1974 – A. Lehrer. *Semantic fields and lexical structure*. Amsterdam, 1974.
- Levinson 2003 – S.C. Levinson. *Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge, 2003.
- Levinson, Wilkins (eds) 2006 – S.C. Levinson, D.P. Wilkins (eds). *Grammars of space: Explorations in cognitive diversity*. Cambridge, 2006.
- Majid, Bowerman (eds) 2007 – A. Majid, M. Bowerman (eds). Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective. *Cognitive linguistics* (special issue). 2007. V. 18. № 2.
- Majid, Levinson 2007 – A. Majid, S.C. Levinson. The language of vision. V. I: Color // A. Majid (ed.). *Field manual*. V. 10. Nijmegen, 2007.
- Majid, Levinson (eds) 2011 – A. Majid, S.C. Levinson (eds). The senses in language and culture // The senses & society (special issue). 2011. V. 6. № 1.
- Majid et al. 2007 – A. Majid, G. Senft, S.C. Levinson. The language of olfaction // A. Majid (ed.). *Field manual*. V. 10. Nijmegen, 2007.
- Mel'čuk et al. 1999 – I. Mel'čuk, N. Arbatchewsky-Jumarie, L. Iordanskaja, S. Mantha, A. Polguère. *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Recherches lexicos-sémantiques IV*. Montréal, 1999.

- Narrog 2010 – *H. Narrog*. A diachronic dimension in maps of case functions // *Linguistic discovery*. 2010. V. 8. № 1.
- Newman (ed.) 1998 – *J. Newman* (ed.). The linguistics of giving. (Studies in typological linguistics 36.) Amsterdam, 1998.
- Newman (ed.) 2002 – *J. Newman* (ed.). The linguistics of sitting, standing, and lying. (Studies in typological linguistics 51.) Amsterdam, 2002.
- Newman (ed.) 2009 – *J. Newman* (ed.). The linguistics of eating and drinking. (Studies in typological linguistics 84.) Amsterdam, 2009.
- Rakhilina, Plungian (forthcoming) – *E. Rakhilina, V. Plungian*. TIME and SPEED: Where do speed adjectives come from? // *Russian linguistics* (forthcoming).
- Reznikova et al. 2012 – *T. Reznikova, E. Rakhilina, A. Bonch-Osmolovskaya*. Towards a typology of pain predicates // *Linguistics*. 2012. V. 50. № 3.
- Senft et al. 2007 – *G. Senft, A. Majid, S.C. Levinson*. The language of taste // *A. Majid* (ed.). *Field manual*. V. 10. Nijmegen, 2007.
- Sweetser 1990 – *E. Sweetser*. From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure. Cambridge; New York, 1990.
- Viberg 1983 – *Å. Viberg*. Verbs of perception: A typological study // *Linguistics*. 1983. V. 21.
- Wierzbicka 1972 – *A. Wierzbicka*. Semantic primitives. Frankfurt am Main, 1972.
- Wierzbicka 1996 – *A. Wierzbicka*. Semantics: Primes and universals. Oxford, 1996.

Сведения об авторах:

Екатерина Владимировна Рахилина
Институт русского языка РАН им. В.В. Виноградова,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
rakhilina@gmail.com

Татьяна Исидоровна Резникова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
tanja.reznikova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 31.08.2012